

Рыбы, цветы и огонь как элементы и божества в фаллических верованиях и культах древних религий Греции, Вавилона, Рима, Индии и т.д.

Аноним

The Project Gutenberg eBook of Fishes, Flowers, & Fire as Elements and Deities in the Phallic Faiths and Worship of the Ancient Religions of Greece, Babylon, Rome, India, &c.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в Соединенных Штатах и большинстве других частей мира без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Рыбы, цветы и огонь как элементы и божества в фаллических верованиях и культах древних религий Греции, Вавилона, Рима, Индии и т. д.

Автор: Аноним

Дата выхода: 11 октября 2011 [eBook #37713]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-распределенной корректуры по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений щедро предоставленных The Internet Archive.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK FISHES, FLOWERS, & FIRE AS ELEMENTS AND DEITIES IN THE PHALLIC FAITHS AND WORSHIP OF THE ANCIENT RELIGIONS OF GREECE, BABYLON, ROME, INDIA, &C. ***

Рыбы, цветы и огонь как элементы и божества в фаллических верованиях и поклонениях древних религий Греции, Вавилона, Рима, Индии и др. С иллюстративными мифами и легендами.

ЧАСТНОЕ ИЗДАНИЕ.

A. Reader, Orange Street, Red Lion Square, London.

1890.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Том, который сейчас находится в руках читателя, является пятой и, на данный момент, заключительной частью "Фаллической серии", и было сочтено необходимым дать дальнейшее разъяснение некоторых вопросов, изложенных в первой книге на эту особую тему.

После того как мы рассмотрели культ пола в целом, Офиолатрею, круглые башни и камни с отверстиями, деревья, рыб, цветы и огонь, все было достаточно хорошо проработано, и за исключением Приложения, которое, возможно, потребует в будущем, работа над этой темой завершена. Можно с уверенностью сказать, что настоящий том будет признан столь же интересным, как и предыдущие; он открывает совершенно новые вопросы и содержит ряд любопытных традиций, о которых ранее не упоминалось.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТРАНИЦА.
Глава I. (Рыбы)	1
Частое появление символа рыбы - Рыбная геральдика - Самые ранние изображения - Изображения рыб на церквях и других общественных зданиях - Катакомбы - Ихт - Изображения рыб в аббатстве Гластонбери и т.д. - Книга-рыба - Рыбные гербы Глазго - Рыба и кольцо - История Шотландии - Соломон, рыба и кольцо - Рыбный пруд отшельника в Сент-Нотсе - Священный окунь - Дельфин - Нептун.	
Глава II. (Рыбы)	10
Древние священные рыбы - рыбная диета и ее предполагаемые последствия - рыба и евреи - бог Кродо-Оанес - Дагон - бог рыб в Нимроде-Хорсабаде - поклонение рыбам в Сирии - храм Дагона в Азоте - Дагон из Библии - Адрамелех - воздержание от рыбной пищи - Древний характер поклонения рыбе - "Потерянный рай" - Ирландский полубог Фин - Рыба как христианский символ - Идея, вовлеченная в поклонение рыбе - Священные пруды - Древние каледонские возражения против рыбы - Другие анти-рыбоядные народы - Иштар.	
Глава III. (Цветы)	25
Всеобщая любовь к цветам - Безразличие к цветам - Чрезмерная любовь к цветам, ведущая к обожанию - Мифы и легенды, связанные с цветами - Адонис, Нарцисс, мирт, <i>Silene inflata</i> , клевер - Столепестковая роза - Поклонение лилиям - Значение лотоса - Гермафродитный характер лотоса - Мятаж в Индии 1857 года, роль, которую сыграл лотос в его разжигании.	
Глава IV. (Цветы)	33

Значение лотоса - разновидности лотоса - высказывания Геродота, Гомера, Теофраста, Диоскорида, Плиния, Афиня и других - древовидный лотос - священный лотос Нила - индийский лотос - непальское поклонение лотосу - Шинг-му, китайская святая мать - Лакшми - царицы красоты - любовь Кришны и Радхи.

Глава V. (Огонь)

43

История бога огня и его тайна - Рост поклонения огню - Огонь как неотъемлемая часть индуистского культа - Халдеи - Персы - Евреи - Огонь в индуистских церемониях - Обязанности индуистской жизни - Змей и огонь - Фаллос - Пифические солнечные святилища - Огонь и фаллическое поклонение - Прыжки через огонь - Огонь...Прыжки через огонь в Шотландии - Прыжки через огонь в России - Меды как огнепоклонники - Сабини - Огонь и древние христиане - Римская церковь и огонь - Иудеи - Храм Весты - Поклонение огню в Ирландии - Фалло - Поклонение огню у греков и римлян.

Глава VI. (Огонь)

60

Поклонение огню в государствах Средиземноморья - Особая святость общественного города - Огонь Греции и Рима - Священный огонь Тлахтга - Поклонение огню на Цейлоне - Парсы - Персидские памятники - Величие Камбиса - Цингальские термины, санскрит, валлийский язык и т.д.-Йольское полено - Поклонение огню в Англии - Огонь Бельтана - Друидические костры - Костры майского дня - Ноябрьские костры в Ирландии - Между двумя кострами - Шотландия - Летнее солнцестояние - Огненные церемонии - Поклонение Ваалу в Ирландии - День святого Иоанна - Костры - Декрет Константинопольского собора.

Глава VII. (Огонь)

75

Потерянный рай и Молох - Бог аммонитов - убийство детей огнем, упоминания в Писании - Огненные церемонии и Молох - Священный огонь у финикийцев - Карфагеняне - Обычаи Озиса - Обычаи Сардинии и Молох - Кутиты - Персидское поклонение огню - Домашние костры Греции и Рима - Священные книги Востока - Законы Ману - Риг-Веда и гимны Агни, богу огня - Веста, поклонение - Маги - Зороастр.

РЫБЫ, ЦВЕТЫ И ОГОНЬ.

ГЛАВА I.

Частое появление символа рыбы - Рыбная геральдика - Самые ранние изображения - Изображения рыбы в церквях и других общественных зданиях - Катакомбы - Ихт - Изображения рыбы в аббатстве Гластонбери и т. д. - Книжная рыба - Рыбное оружие Глазго - История рыбы и кольца в Шотландии - Соломон и рыба и кольцо - Рыбный пруд отшельника в Сент-Ноте - Священный окунь - Дельфин - Нептун.

Немногие, если вообще какие-либо символы так часто встречаются среди реликвий ушедших эпох, как рыба. На каких бы памятниках Вавилона и Ниневии, на стенах римских катакомб, где первые христиане искали убежища от ярости своих языческих гонителей, или среди геральдических устройств, принятых нашими предками в качестве гербов в сравнительно недавние времена, рыба всегда занимает видное место. Что касается последнего, то, конечно, примечательно, в какой степени она преобладает, и несколько авторов по геральдике (в частности, Моул) дали нам очень полные отчеты и графические иллюстрации ее использования. Не только один вид рыбы используется таким образом, что, возможно, связано с каким-то особым мифом или традицией - дельфин, сельдь, лосось, форель, щука, барбель, плотва, подошва, тюрбо, камбала, пикша, треска, хек, линь, и даже различные способы ловли рыбы копьем, сетью или крючком - все это отражено на гербах лордов поместий, получающих доход от рыболовства. "Лодки, - говорит Моул, - занятые на той же службе, которые находились под командованием государя во время войны и составляли первоначальный флот Британии, отличают гербы морских лордов и корпоративных органов, которым была доверена юрисдикция портов".

Не исключено, что огромное количество рыб и их разнообразие во многом обусловили их использование в этой связи; несколько лет назад в Британском музее насчитывалось пятнадцать сотен различных видов, а в музее Парижа, необычайно богатом образцами этой части животного царства, - целых пять тысяч, и это число неуклонно продолжает расти. "В качестве символа имени почти все рыбы использовались в геральдике; во многих случаях рыбы изображались на гербах в связи с продукцией поместья, что придавало причудливому устройству двойной интерес. Они носят вертикально и вытянуто, и когда кормятся, их называют пожирающими; Allumé, когда их глаза яркие, и Parné, когда их рты открыты"[1].

"Самое раннее из известных изображений рыб, знак зодиака, символизирует рыболовство на Ниле, начинающееся в феврале, примерно в то время, когда солнце входит в знак Рыб, что, по словам Плиния, является лучшим сезоном для рыбной ловли. Современные путешественники рассказывают, что стены храма Дендеры буквально покрыты великолепной скульптурой и живописью. Фигуры, изображающие Зодиак, находятся на потолке портика и выгравированы в большом труде о Египте, изданном по заказу французского правительства. Знаки Зодиака часто изображались на внешней стороне древних церквей, представляя собой своего рода сельский календарь для полевых работ на каждый месяц в году, что имело практическое значение.

Когда в Зодиаке рыбы, они кружат вокруг,
Они ослабляют наводнения и орошают землю".

"В своих указаниях для земледельца на февраль старый Туссер говорит:

"К побережью, человек, езжай, постные вещи обеспечить".

и еще одно двустороннее в поддержку рыбака,

"Земля желает, море желает,
Не жалеет иногда плоти, питайся рыбой".

"Знаки Зодиака также украшают античные вазы, монеты, тротуары и т.д., а также нарисованы яркими красками на внутренней стороне нескольких мумий, хранящихся в Британском музее. В манускрипте, хранящемся в Коттонской библиотеке, знак Рыб изображен с соединительной линией от хвоста каждой рыбы"[1].

На многих церквях и других зданиях как в Англии, так и на континенте встречается тот же самый орнамент. На портике Девы Марии в Нотр-Дам в Париже есть несколько отделений, изображающих зодиакальные знаки и труды разных месяцев. Подобным образом украшен дверной проем церкви Святой Маргариты в Йорке, а также один из портиков Мертон-колледжа в Оксфорде. На западном дверном проеме церкви Иффли, которая считается одним из самых красивых образцов англо-норманнской архитектуры в Англии, изображен знак рыб.

В Кентерберийском соборе также есть мостовая из больших камней, несколько грубо инкрустированных, с фигурами зодиакальных знаков в круглых отделениях. Рыбы прикреплены линией, проходящей из рта в рот.

В римских катакомбах рыбу часто находят среди бесчисленных надписей, которыми переполнены стены. Мейтланд описывает ее как символ, выражающий имя Христа, и как замечательное сочетание всего желаемого в тессере, или мистическом знаке. Греческое слово "рыба", ἰχθυς, содержит инициалы Ιησοῦς, Χριστός Θεός Υἱός Σωτήρ: Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель; фраза, заимствованная из сивиллиных стихов. Более того, фонетический знак этого слова - рыба - был эмблемой, значение которой было полностью скрыто от непосвященных: важный момент для тех, кто был окружен врагами, готовыми высмеивать и хулить все, что они могли обнаружить в христианстве. На этом уместность символа не заканчивалась. "Рыба, - заметил Тертуллиан, - кажется подходящей эмблемой Того, чьи духовные дети, подобно потомству рыб, рождаются в воде крещения"[2].

"На стенах, а также на надгробных плитах мы видим рыбу, финикс, якорь, корабль, оливу и пальму - все они священны для бога плодородия или детородной энергии. Рыба, как нам говорят, была выбрана этими христианами из-за алфавитного ребуса - греческого слова I. K. Th. U. S., содержащее начальные буквы слов, составляющих это название на греческом языке: "Иисус Христос, Сын Божий, Спаситель"; но Иктус был священным именем в Египте и на Востоке, задолго до того, как Греция приняла свои разнообразные верования, и задолго до того, как добрый Назарянин проповедовал свое святое Евангелие в диких землях Иудеи. На иврите рыба называется Dg, Dag или De-ag, что, по мнению некоторых, могло произойти от санскритского De-Dev, Ag или Ab, и быть связанным с солнечным Ak, и Aqua, вода. Даган был богом рыб (Альхейм) у филистимлян, и если написать Даг задом наперед, как это было принято и естественно, поскольку одни народы читают справа налево, а другие слева направо, то получится Гад, хороший, то есть Бог или Богиня дня, как в Иса. lxx. 11, где, в связи с луной Мени, мы читаем: "Вы те, кто готовит стол для Гада и приносит жертву Мени", которые Всеобъемлющая Библия Багстера принимает за звезды или подобные объекты. Даг, говорит Кальмет, означает Хранитель, а значит, Спаситель, который имеет много древних связей с рыбой и водой, как мы видим в случае с Дагоном. Святой Августин сказал о Христе: "Он - великая Рыба, живущая посреди вод"; поэтому неудивительно, что Ichthus, рыба, стал священным термином и применяется к представителю Христа, который в знак этого носит пуатрин, как и его высшие офицеры носят то, что называется митрой или тюрбаном, похожим

на рот рыбы. Христос, будучи евреем, конечно, получил титул Иктус от своих греческих последователей, так же как он получил I.H.S. - монограмму Вакха - от тех, кто отказался от этого бога, чтобы следовать христианству. В таких вопросах нет ничего святого. Ич или Ик, или Ак == Аб, одновременно Отец наш и вода; а в Индии рыба - бог воды, и поэтому мы имеем *Дев-аб*, от которого может происходить Дег-ан или Дагон. Греки, конечно, использовали *"Thus"* или *"theus"*, так что Ik-theus или God-Ik; во всяком случае, христиане сделали Ik-thus настоящим Богом, а воду, ее стихию, очень святой вещью. Древнейшие кельтские языки, похоже, отождествляют эти два понятия, поскольку вода на гэльском - *Uisge*, вода жизни - *Wisge* (виски), а рыба - *Iasg*, или, по-староирландски, *Iska* или *Ischa*, что является восточным термином для Иисуса. Если здесь допустима V или F-дигамма, то мы оказываемся очень близко к нашему собственному слову Fish. Возможно, за это отвечает Вишну, Вишну или Фишну, поскольку он первым поднимается из воды и из рыбы; и от своего первого воплощения до последнего он всегда связан с обоими"[3].

"Рыбы, - говорит Моул, - часто становились средством религиозного обучения, и для этой цели использовались все изобразительные искусства. Среди многих картин первых мастеров, на которых представлены представители плавникового племени, можно упомянуть картину, изображающую святого Антония из Падуи, проповедующего рыбам. Эта прекрасная картина Сальватора Розы находится в коллекции Альторп-Хауса в Нортгемптоншире; сама проповедь приведена в "Путешествиях по Италии" Аддисона.

"На монастырской печати аббатства Гластонбери изображены фигуры святого Дунстана между святым Патриком и святым Бенигнусом; у каждого под ногами его эмблема; у последнего - партия рыб: возможно, добавляет историк аббатства, он также проповедовал им, как это делал святой Антоний".

"Рыба, обеспечившая Кембриджскому университету религиозный праздник, послужила поводом для появления трактата под названием *"Vox Piscis*, или Рыба-книга", содержащего три трактата, которые были найдены внутри рыбы трески на рынке Кембриджа в канун середины лета 1676 года. Говорят, что эта рыба была выловлена в глубинах Линна, и после того, как в ней нашли книгу, ее отнесли бедельщику к вице-канцлеру; и когда она появилась в начале занятий, в то самое время, когда больше всего ожидалось хорошее обучение и хорошее настроение, было причудливо замечено, что этот морской гость принес свою книгу и свою тушу, чтобы обеспечить и то, и другое.

"На гербе города Глазго и на гербе древней церкви изображен лосось с кольцом во рту, который, как говорят, запечатлел чудо святого Кентигерна, основателя церкви и первого епископа Глазго. На обороте печати епископа Уишарта в эпоху правления Эдуарда II впервые появляется эта предполагаемая аллюзия на легендарную историю о святом Кентигерне".

Некоторые из ранних епископов Глазго изображали фигуру лосося либо по бокам, либо под гербовым щитом на своих печатях, и это обстоятельство можно объяснить, не ссылаясь на чудо, как изображение плодов Клайда. Доходы церкви Глазго во времена Реформации включали сто шестьдесят восемь лососей, полученных от франшизы или рыбной ловли в этой реке.

Джеймс Камерон, лорд тайной печати шотландского короля Якова I и епископ Глазго в 1462 году, изобразил на своей епископской печати фигуру святого Кентигерна в скинии, под которой - его отцовский герб, три полосы, с лососем с кольцом во рту по обе стороны от щита, который увенчан митрой. Кольцо, возможно, является разновидностью кольцевых денег, распространенных в то время среди бриттов.

"Любопытно отметить, как эмблема той же рыбы продолжает входить в состав герба Глазго и церковных учреждений.

"Епархия Глазго была возведена в архиепископство в 1491 году, с Галлоуэем, Аргайлом и островами в качестве суффраганов. Джеймс Битон, архиепископ Глазго и аббат Дамфермлайна, дядя кардинала Битона, умер примасом Шотландии в 1539 году. Многие знаки его общественного духа и благочестия долго сопротивлялись времени и остались после того, как соборные церемонии были заброшены ради простых офисов шотландского кирка.

"На стенах епископского дворца или замка в Глазго были изваяны гербы Битона - лазурь, фесс между тремя масками, или, четвертованный с Бальфуром, аргентом, на шевроне соболев и стертая голова выдры первого, а под щитом - лосось с кольцом во рту, как изображено на печатях его предшественников.

"Другой архиепископ Битон в 1603 году основал Шотландский колледж в Париже, где в качестве памятника его памяти изображены его герб, увенчанный епископской шапкой, а под щитом - рыба и кольцо, эмблема Глазго. В более поздние времена архиепископ Кэрнкросс в 1684 году носил герб города с отцовским гербом.

"Герб города Глазго - это герб прежнего собора: аргент, на горе дерево с птицей на ветке в левом углу и колоколом в правом углу, ствол дерева, увенчанный лососем в ладье, у которого во рту золотое кольцо"[4].

Доктор Дибдин говорит: "Легенда о "Рыбе и короле" сохранилась почти во всех часословах в Шотландии; старина Спотсвуд - один из самых ранних историков, который взял это блюдо из латинских монашеских легенд, и господа Смит, Маклеллан и Клиланд не преминули процитировать его слова. Они сообщают о святом Кентигерне, что одна дама из хорошего места в стране потеряла кольцо, когда переправлялась через реку Клайд, и ее муж стал ревновать, будто она подарила его одному из своих любовников, она обратилась к Кентигерну, умоляя его помочь сохранить ее честь; и тот, отправившись к реке после того, как он использовал свое посвящение, приказал одному, кто готовился ловить рыбу, принести первую, которую он поймал, что и было сделано. В пасти этой рыбы он нашел кольцо, и, отправив его даме, она тем самым избавилась от подозрений мужа. В достоверность этого я верю репортерам; но как бы то ни было, и город Глазго, и городская администрация до сих пор носят на своих руках рыбу с кольцом во рту"[5].

Моул отмечает, что "классическая история о Поликрате, рассказанная Геродотом за тысячу лет до времени святого Кентигерна, является, возможно, самой ранней версией рыбы и кольца, которая часто повторялась с вариациями. По словам Геродота, кольцо представляло собой изумруд, оправленный в золото и красиво выгравированный, работы Теодора Самианского; и именно это кольцо, по словам Плиния, хранилось в храме Согласия в Риме, куда оно было подарено императором Августом. Изображение рыбы выгравировано в "Шершавых украшениях" М. Клода Парадена как эмблема непрерывного процветания".

"Если мы обратимся к главе xxxviii. Корана Магомета, то найдем историю о рыбе и кольце в другой форме. В примечании к словам "Мы поместили на его трон поддельное тело" говорится: "Наиболее распространенное толкование этого отрывка взято из следующей талмудической басни: Соломон, взяв Сидон и убив царя этого города, увез его дочь Иераду, которая стала его любимицей; и поскольку она не переставала оплакивать потерю отца, он приказал дьяволам сделать его изображение для ее утешения; что и было сделано, и поставлено в ее покоях, она и ее служанки поклонялись ему утром и вечером, согласно их

обычаю. Когда Соломон узнал об этом идолопоклонстве, которым занимался под его крышей его визирь Асаф, он разбил изображение и, наказав женщину, ушел в пустыню, где плакал и молился Богу, который, однако, не счел нужным оставить его небрежность без некоторого исправления. У Соломона был обычай, пока он мылся, доверять свою печатьку, от которой зависело его царство, наложнице по имени Амина: однажды, когда она хранила кольцо, к ней явился дьявол по имени Сахар в облике Соломона, и получил от нее кольцо; в силу этого он стал обладателем царства и сел на трон в той форме, которую позаимствовал, внося в закон те изменения, какие ему было угодно. Тем временем Соломон, изменившись внешне и не будучи известен никому из своих подданных, вынужден был скитаться и просить милостыню на пропитание, пока, наконец, по прошествии сорока дней, в течение которых в его доме поклонялись образу, дьявол не улетел и не бросил печатьку в море; Печатку тут же проглотила рыба, которую выловили и отдали Соломону, он нашел в ее брюхе кольцо и, вернув себе таким образом царство, взял Сахара и, привязав к его шее большой камень, бросил его в Тивериадское озеро."

Одно из окон церкви Святого Неота в Корнуолле содержит историю этого святого, известного как благочестивый ризничий аббатства Гластонбери. "Возможно, - говорит Моул, - это единственный случай, когда легенда о местном святом представлена таким образом, и один из самых великолепных образцов витража в королевстве". Рыбный пруд отшельника, сохранившийся в долине рядом с его кельей, послужил материалом для одной из легендарных историй, представленных на витраже. В этом пруду было три рыбы, из которых Неот с божьего позволения каждый день брал по одной, уверяя, что запас никогда не уменьшится. Однажды его ученик Барий, страдавший от сильного недомогания, поймал двух рыб и, сварив одну и поджарив другую, положил их перед собой: "Что ты сделал?" - воскликнул Неот, - "вот, благосклонность Бога покидает нас: иди немедленно и верни этих рыб в воду". Пока Барий отсутствовал, Неот истово молился, пока не вернулся с известием, что рыбы нежились в бассейне. Барий снова пошел и взял только одну рыбу, которую Неот не успел отведать, как был восстановлен в полном здравии"[6].

Один из видов окуня, распространенный в Средиземноморье, имеет ярко-алый цвет, но очень сильный спинной плавник, и из-за сходства этого плавника с бритвой его называют *le barbier*. Эта рыба считается священной среди ныряльщиков за морские продукты, и когда она попадает на крючок, то сразу же успокаивается, так как остальные члены косяка перерезают леску удильщика своими острыми шипами.

"Дельфин, как особая священная рыба, у древних назывался Филантропом и, как говорят, наслаждался музыкой. Он спас великого барда Ариона, когда тот бросился в Средиземное море по пути в Коринф; это событие, как говорят, произошло в седьмом веке до нашей эры, или примерно в то время, когда возникла история об Ионе. Греки поместили дельфина в свой Зодиак. В своих путешествиях по Нубии Буркхардт сообщает, что в Красном море никому не разрешается бросать копье в дельфина или причинять ему вред; то же самое правило действует на большинстве греческих островов.

"Нептун, мужской морской бог Рима, был идентичен греческому Посейдону, а его храмы и праздники находились в Кампус Мартиус. Посейдон был братом Юпитера и Плутона, могущественным представителем бога-человека вод и того, что символизировало море; его лоно было кишасей утробой плодородия, а значит, и женщины. Его хозяева - дельфины и бесчисленные морские нимфы и чудовища. Его колесницы связаны с лошадьми, которых он, по преданию, создал и научил людей управлять ими. Его символ - фаллический трезубец, точнее, Трисул, или "даритель жизни" Сивы, который может раскалывать скалы, порождать воду и сотрясать небо и землю. Египетская Нефтида была богиней берегов Красного моря и

женой злобного змеинобого Тифона. Дельфин как эмблематическая рыба часто обозначает самого Нептуна, хотя, вероятно, его значение выросло из простого каламбура над словами delphis - дельфин, delphus - чрево, а иногда и пуденда. Дельфакс был также молодым поросенком, которого иногда приносили в жертву Юноне; в Дельфах была богиня Земля: символическая пропасть, а Дельфиний был ее Аполлоном, и от дельфина происходит имя Дельфина или Дофина, старшего сына короля Франции"[7].

ГЛАВА II.

Древние священные рыбы - рыбная диета и ее предполагаемые последствия - рыба и евреи - бог Кродо-Оанес-Дагон - бог рыб в Нимруде-Хорсабаде - поклонение рыбам в Сирии - храм Дагона в Азоте - Дагон из Библии - Адрамелех - воздержание от рыбной пищи - древний характер поклонения рыбам - потерянный рай - ирландский полубог-полузмея. Ирландский полубог Фин - Рыба как христианский символ - Идея, вовлеченная в поклонение рыбе - Священные пруды - Древние каледонские возражения против рыбы - Другие антирыбоядные народы - Иштар.

Инман отмечает, что "рыба, выбранная для почета среди древних, не была ни плоской, ни шаровидной, ни цилиндрической; она была более или менее овальной и заканчивалась вильчатым хвостом. По форме она напоминала миндаль или "конху" с "натесом". Его открытый рот напоминает "os uteri", который до сих пор называют "os tincæ", или рот лия. Древние священники изображались одетыми в рыбу, голова которой была митрой. Голова рыбы в виде митры до сих пор украшает головы римских епископов. Рыба была священна для Венеры и являлась любимым эскулапом у роскошных римлян. Рыба была эмблемой плодородия. Однако слово "нун" на иврите означает "прорасти", "пускать корни", так же как и "рыба"; таким образом, рыба символизирует мужской принцип в активном состоянии. Это существо имело очень сильную символическую связь с поклонением Афродите, и романисты до сих пор едят его в тот день недели, который называется Dies Veneris, день Венеры".

"В настоящее время существуют некоторые рыбы, которые, как предполагается, придают значительно большую мужественную силу тем, кто их ест. Я (продолжает Инман) смутно помню, что подобный факт был записан у Афиня, который цитирует Теофраста в качестве своего авторитета. Там говорится, что диета на определенной рыбе позволила индийскому принцу продемонстрировать сто доказательств своей мужественности за один день. Тот же автор упоминает козью плоть как средство, обладающее аналогичным эффектом. Ассирийский Оаннес был представлен как человек-рыба, а Козерог или козел с рыбьим хвостом в Зодиаке, как говорят, был его эмблемой.

"Рыба также ассоциировалась с Исидой, которая, как и Венера, представляла женский элемент в творении. Она также была священной эмблемой у буддистов.

"С тех пор как я написал вышеизложенное, я убедился, что есть рыбу на ужин в пятницу вечером - это еврейский обычай или институт. Поскольку среди этого народа плодородие является благословением, специально обещанным Всемогущим, считается правильным использовать человеческие средства для обеспечения этого благословения в день, отведенный Всемогущим. Еврейская суббота начинается с заходом солнца в пятницу, и в течение дня необходимо принять три блюда, которые, как предполагается, обладают мощным действием афродизиака. Ингредиенты - мясо и рыба, чеснок и перец; насколько я могу судить, в качестве рыбы выбирается скат, который на острове Мэн до сих пор считается мощным сатирионом. Трапеза повторяется дважды в субботу. Монс. Лажард свидетельствует о масштабах этого обычая в следующем отрывке, хотя он не связывает его напрямую с рыбой, за исключением того, что последняя часто встречается на монетах вместе с другими атрибутами Венеры. Рассказав о вероятном происхождении культа, он говорит: "В наши дни, действительно, друзья Ливана на своих тайных вечернях воздают истинное поклонение половым органам женщины и совершают свои богослужения каждую пятницу вечером, то есть в день, который посвящен Венере; день, в который, со своей стороны, мусульман находит в кодексе Магомета двойное обязательство - посещать мечеть и исполнять супружеский долг"[8].

"В 1492 году Беда упоминает, что "в Хартце поклоняются богу Кродо, который стоит на ногах у рыбы, в одной руке у него колесо, а в другой - ведро с водой, - очевидно, вишнунитское или фишнунитское солнечное божество, несущее солнечный или лунный диск, а также ковчег или утробу плодородия". Эти боги-рыбы, как утверждает мистер Баринг Гулд в случае с американским Кокс-Коксом или Теокипактли, *то есть* богом-рыбой, во многом напоминают ветхозаветного Ноя, поскольку Кокс, встретив потоп, спасся в стволе кипариса (настоящий фаллический символ) и заселил мир мудрыми и разумными существами". Его полное название смешивает его с идеей "бога из плоти" у евреев и других народов. Североамериканские индейцы рассказывают, что они тоже следовали рыбчеловеку или полубогу из Азии; он был человеком только от груди вверх, ниже он был рыбой, или, более того, двумя рыбами, поскольку каждая нога была отдельной рыбой"[9].

"Говорят, что Оанес был человекоголовой рыбой и самым ранним Гермесом или посланником бога в Кальдии. Берос говорит, что он не ел, но обучил всех искусству геометрии, а также сбору и хранению плодов и семян. Каждую ночь он удалялся в море (Женское и Святого Духа), а после него приходили Мессии. Элладий называет его Оэс, но говорит, что у него были ноги человека, а возник он из обычного яйца. У него была кожа рыбы, и Хиггинс говорит, что он впервые преподавал астрологию в Кальдии. Мать Оанеса почиталась как Венера Атергатес, "добрый дух", а сам Оанес, возможно, означает "первенца Йони", Протогоноса из Санкуниатона. Японцы представляют своего Мессию выходящим, подобно Вишну, из рыбы, и называют его Кан-Он или Кан-он, а его храм - Ониус, а его дух покоится на двенадцати подушках, как и в случае с Фо или Бодха, что ясно показывает солярное значение всего этого. Таким образом, мы видим тесную связь между калдийским О-ан или Оанес, древнееврейским АОН, который в коптском языке означает "Просветитель", и египетским ОН. В Арморике Оан и Оаник, а также в ирландском языке УАН - это ягненок, а в иврите Ионас означает кроткий, "Откровение" или слово от Бога, и голубь, так что сумма всего этого указывает на санскритское Йони.

Пана, старшего брата Иова, называли "китоподобной рыбой", он запутал Тифона в свои сети и поймал его, и все же кто так не похож на рыбу по характеру, как козлоногий бог".

"Поэтому Боодха называется Дай-По или Фиш-По; Вишну появляется в первой Аватаре в виде рыбы, ибо он - Вишу, Фишу или Фиш-У, как Христос - *Иша* в Ирландии, который является

валлийским *Фиша*. Во всех землях рыбы оказались спасителями многих людей, а среди рыб - дельфин, как дельфиниха или matka. Ту, кто посвятил свою жизнь Богу, мы называем монахиней, а у евреев это рыба, и йони. Рыбы и птицы назывались по-ассирийски Нану-Ицурн, причем рыба, противопоставленная птице, называлась *Кха*, а птица - *Кху*. Исида была задумчивой птицей, но обычно ее изображали с рыбой на голове. Рыба первой проглотила гениталии Осириса, когда Тифон заставил его разрезать на куски и выбросить.

"Считалось, что поедание рыбы вызывает венерические болезни даже больше, чем говядина или чеснок, и шемитские расы рекомендовали или предписывали такие трапезы в день Фрига или ночью - в свою субботу или в канун субботы. Лэйард уверяет, что среди друзей Сирии подобные вопросы до сих пор тщательно решаются в канун Венеры или Фриги, добавляя, что "на тайных вечерах" эти благочестивые люди "воздают истинное поклонение сексуальным частям женщины"[10].

"Оаннес и Даг-он (рыба Он) идентичны. Согласно древней басне, сохраненной Беросом, существо, наполовину человек, наполовину рыба, вышло из той части Эритрейского моря, которая граничит с Вавилонией, где оно научило людей искусству жизни, строить города, основывать храмы, составлять законы и, короче говоря, наставляло их во всем, что имеет тенденцию смягчать нравы и очеловечивать их жизнь; и, добавляет он, представитель этого животного Оаннес сохранился в его времена. Его фигура, резвящаяся в волнах и, по-видимому, благословляющая флот судов, была обнаружена в морской скульптуре М. Ботта при раскопках Хорсабада.

"В Нимруде мистер Лэйард обнаружил гигантское изображение, представляющее его с головой рыбы в качестве шапки и телом рыбы, перекинутым через плечи, с ногами человека, левой рукой, держащей богато украшенный мешок, и правой рукой, поднятой вверх, как будто в акте преподнесения мистической ассирийской еловой косточки". (*Baring Gould's Myths of the Middle Ages*).

Мистер Лэйард в своей интересной работе "Ниневия и ее остатки" ссылается на это: "Я не могу не упомянуть о традиции, сохраненной Беросом, которая, по-видимому, приписывает иностранному народу, прибывшему по морю, введение в какой-то отдаленный период цивилизации и некоторых искусств в Вавилонии. По словам историка, из Эритрейского или Персидского залива появилось животное, наделенное разумом, по имени Оаннес. Его тело было похоже на тело рыбы, но под головой рыбы находилась голова мужчины, а к хвосту были приделаны женские ноги. Голос у него тоже был человеческий, и говорил он на членораздельном языке. Днем она обучала халдеев письму, всем искусствам и наукам, учила их строить храмы, а ночью снова погружалась в море. Пять таких чудовищ появились в разные эпохи в Вавилонии и назывались "аннедоти" (выходящие из или исходящие из). Первого из них звали Мусар Оаннес, а последнего Одакон. Их изображения, добавляет он, сохранились в Халдее и по сей день. (Этот фрагмент Бероса сохранился у Аполлодора. См. "Фрагменты Кори").

"На барельефе из Корсабада, изображающем морское сражение или осаду города на морском побережье, мы видим бога почти таким, каким его описывает Берос. К телу мужчины, достигающему до пояса, присоединен хвост рыбы. Трехрогий колпак, увенчанный цветком в виде флер-де-лис, который носят крылатые фигуры на барельефах, отмечает священный характер. Правая рука поднята вверх, как на изображениях крылатого божества в круге. Эта фигура находится в море среди рыб и морских животных. На ассирийских цилиндрах и гермах очень часто встречается та же символическая фигура, еще более

похожая по форме на описание Бероза, многочисленные примеры которой приведены в большом труде Лажарда "Поклонение Венере".

"Поклонение рыбам распространилось на Сирию и, похоже, было более распространено в этой стране, чем в Ассирии. Дагон филистимлян из Ашдада, очевидно, напоминал фигуру на ассирийских скульптурах и цилиндрах. Когда он падал перед ковчегом, то на пороге ему отрубали голову и обе ладони; оставалась только рыбья часть Дагона. (Тот же идол упоминается в книге Судей xvi. Значение слова на иврите - "рыба". Хотя изображение, как и у ассирийцев, изначально было мужским, в более поздний период в Сирии оно стало женским, как мы узнаем от Лукиана (Deâ Syriâ) и Диодора Сикула, который описывает идола в Аскалоне с лицом женщины и телом рыбы. (Lib. ii.) Иктиолатрия, связанная с Дерсето или Атергатами, возможно, была спутана с поклонением Дагону"[11].

"В Азоте, или Асдоте, знаменитом городе филистимлян, был знаменитый храм Дагона, в котором жители хранили ковчег завета в присутствии идолов. И когда они встали рано утром, вот Дагон повержен лицом своим на землю пред ковчегом Господним, и голова Дагона и обе ладони рук его отсечены на пороге; и рах дагон нишар аглаю, то есть, как объясняет Р. Д. Кимхи, от него остался только вид рыбы" (I. Samuel, v. 2). Ибо слова Даг и Дага означают рыбу, поэтому он и был назван Дагоном (I. Samuel, v. 4.). Священное Писание в Послании к Евреям наделяет его мужским родом, и так же поступают авторы греческой версии. Филон Библий говорит о Дагоне, что он плодоносец и сын Келуса, и считает, что так его следует называть, потому что он первым открыл плоды. Ведь Дагон на иврите переводится греческим словом *Siton*, что означает фрукт. Также говорят, что он был изобретателем плуга, поэтому его называли Зевсом-пахарем, как если бы он был Юпитером, президентом сельского хозяйства.

"Птолемей говорит, что у сиракузян Церера называлась Сито, от того же греческого слова *Sito*. Но он ошибается, так как, выводя это имя от Дагона (что означает плод), он должен был бы вывести его от Дага (что означает рыба). Самое древнее свидетельство об этом боге Азии за пределами Библии содержится в том, что Берос, Аполлодор и Полигистор пишут об Оаннесе. Оаннес упоминается как двухголовое животное; из его хвоста растут ноги, похожие на человеческие, а вся остальная часть его - рыба. Голос у него тоже был человеческий, и говорят, что, выйдя из Красного моря, он пришел в Вавилон, но на закате вернулся в море. Он делал это каждый день, словно земноводное животное. От него люди научились всем различным искусствам, письму, земледелию, освящению храмов, архитектуре, политическому управлению и всему, что может относиться к цивилизованной жизни, а также самой удивительной истории Белуса и Оморы. Его образ сохранился до времен Бероса, то есть до начала греческой монархии. Этот морской бог может быть не кем иным, как Дагоном, история которого описана в книге Самуила. Ему поклонялись не только филистимляне, но и вавилоняне. Аполлодор, со слов того же Бероса, более подробно рассказывает о четырех Оаннах, называемых Аннедотос, , которые также в течение веков появлялись из Красного моря, каждый из которых был наполовину человеком, а наполовину рыбой. Но во времена Идорака, царя халдеев, который предшествовал потопу на несколько веков, появилась еще одна подобная фигура, которую называли Одакон. Дагон, несомненно, подразумевается и упоминается в этой басне об Одаконе. Абиденос говорит о втором Аннедотосе и наделяет его обликом полудемона. Элладий Безантин говорит о некоем человеке по имени Олеус, вышедшем из Красного моря, голова, руки и ноги которого были человеческими, а остальные члены тела - рыбьими, и что он учил письму и астрономии. Поскольку все эти упоминания настолько применимы к Оаннесу из Бероса, более чем вероятно, что библиотекарь допустил ошибку в названии сокращения в копии.

"То, что было извлечено из Писания, и то, что было сказано в трудах древних, убедит любого, что фигура Дагона представляла собой смесь человеческой и морской формы. Его тело было морским, а лицо, руки и ноги - человеческими.

"В Писании прямо говорится, что его руки и ноги были отрублены или сломаны, когда он упал перед ковчегом Завета. Древние писали, что его ноги росли до хвоста. В Писании он назван мужским богом, но то, что было сказано в других местах о половой принадлежности богов, следует учитывать и здесь, поскольку этот самый Дагон был превращен в богиню Адирдагу, то есть Атергатис, Адаргатис, Дерсето и другие имена, неправильно произнесенные европейцами. Несомненно, что финикийская и вавилонская богиня - это та же самая фигура, что и Дагон, если изменить пол. Лукиан вкратце описывает образ Дерсето, увиденный им в Финикии, и он соответствует образу Дагона. Но и у других великих писателей богиня Иераполиса называется Дерсето, или Атергатис.

"Макробий утверждает, что с фигурами Атергатис - это Астарта, та самая мать богов, и он не говорит о ней иначе, чем об этой богине из Иераполиса.

"Если бы она не была наполовину рыбой, ее ни в коем случае нельзя было бы назвать Дерсето. Но Атергатис, Адергатис, Атаргата, Дерсе, Адаргидис, Атаргатис - все эти имена этой богини - испорченные слова, и от Адардага, , что на иврите означает великолепную или мощную рыбу. Это имя, несомненно, больше всего подходило для Оаннес, которая, как говорят, даровала человечеству столько благ.

Точно так же сифарвиты называли своего бога Адрамелехом, что означает "великолепный царь". В баснях, как правило, нет иной причины для этого имени, кроме той, что раньше Дирса, дочь Венеры, упав в море, была сохранена рыбами от всех повреждений вод, или из-за метаморфозы Венеры в рыбу, когда она убегала, испуганная ужасными действиями чудовища Тифона.

Манилий в четвертой книге своего "Астрономикона" говорит: "Когда Небо ослабело и стало слабым, оно превратилось в рыбу.

"Когда Небо ослабело и успешно сражалось,
Гиганты поднялись, и боги спаслись бегством,
Из объятий змеиноного Тифона, в форме рыбы
Спас Венеру и уберег ее от изнасилования.
Евфрат спрятал ее, и отныне его потоки
Повинуются рыбьим лучам".

"Или потому, что рыба вынесла из Евфрата яйцо удивительной величины, которое голубь согрел, и из него вылупилась сирийская богиня; поэтому они воздерживались от употребления рыбы. Они боялись, что если съедят этих животных, то вызовут месть богини: конечности их тела распухнут, они покроются язвами и их поглотит болезнь истощения. Плутарх говорит о пифагорейцах, что из морских животных они особенно воздерживались от употребления рыбы, называемой кефалью и крапивой. Они воздерживались от употребления любой рыбы, чтобы наставлять людей и приучать их к справедливости, ибо, по их словам, рыба не приносит и не может принести нам вреда. Другие воздерживались от рыбы, говорит тот же автор, потому что человек возник из жидкой субстанции, и поэтому они поклоняются рыбам, как имеющим то же производство и размножение, что и они сами.

"Анаксимандр говорит, что человек сначала был произведен в рыбу, а когда вырос и смог сам себе помочь, был выброшен на берег и так жил на суше. Таким образом, он утверждает, что рыбы были нашими общими родителями.

Ксенофонт в своем "Анабасисе", рассказывая о реке Халос, говорит, что она была полна больших и нежных рыб, которым сирийцы поклонялись как богам. Они не позволяли их обижать.

"Эти истории о рыбах отнюдь не являются порождением более древних веков, поскольку примерно во время возвращения израильтян из египетского рабства тирийцы имели обыкновение возить рыбу в Иерусалим на продажу. В книге Неемии xiii., ст. 16 говорится следующее: "И жили там люди из Тира, которые приносили рыбу и всякую утварь и продавали в субботу сынам Иуды и в Иерусалиме". В это время иудеи не были свободны от оскверняющих обрядов своих соседей, особенно тех, кто брал себе жен у филистимлян, которые особенно поклонялись Дагону. Есть рыбу или продавать ее на общественном рынке было, конечно, большим оскорблением для бога. У других народов были определенные рыбы, которые считались священными: помпилиус у греков, ангилла у египтян и другие у пифагорейцев. Так же, как и рыбы, голуби были в большом почете у этого бога. Однако хорошо известно, что голуби были священны для Венеры, а она - для Дерсето.

"Храм Дагона называется Бет-Дагон, что на чистом иврите. (См. I. Maccabeus x., 23.)

"Всадники также были рассеяны по полю, бежали в Азот и вошли в Бет-Дагон, храм их идола, для безопасности". Венера аскалонитов, то есть Дерсето, у Геродота называется так же, как Милитта, Алитта и мать богов, а около храма богини в Иераполисе рыбу и голубей принимали как святыню и в ее честь, не меньше, чем там, где поклонялись Дерсето.

В "Потерянном рае" об этом божестве говорится следующее.

"Следующим пришел тот.

Кто оплакивал всерьез, когда плененный ковчег
искалечил его грубое изображение, отрубив головы и руки.

В его собственном храме на краю Грюнсея,
Где он пал ниц и посрамил своих поклонников;
Дагон его имя, морское чудовище, вверху человек
А вниз - рыба: но храм его был высок
Воздвигнут в Азоте, страшен на всем побережье
Палестины, в Гате и Аскалоне,
И в Аккароне, и на границах Газы"[12].

"Старый ирландский полубог Пин или Фин, похоже, был формой Пинея и, как и он, был сыном Гермеса, разделяя с Будхом или Да-Беоком возвышенный титул Бар-ен-ди, Сын Единого Бога. Именно Фин победил дракона, покончил с поклонением змеям и установил все священные обряды, связанные с кронами или лингами, и, как ни странно, фины или фени, как их называет доктор П. В. Джойс, проявили, подобно восточным будхистам, большую симпатию к обоим амулетам, которые представляют собой небольшие фали, пригодные для ношения или надевания на лицо. Они в точности похожи на маленькие лингамы, которые носят на руках или носят на голове или груди индийские сиваиты. Ирландская история гласит, что христиане Фени усердно искали и почитали зубы святого Патрика.

"В брегонских законах Сенчус Мор фении, или фианны, или чемпионы, описаны как реальный исторический народ и законодатели Ирена. Как Артур и его рыцари были для

Брайтоника, британских или "малобританских" кельтов, Фин и его фенийцы были в двух Скотиях или среди Скотий".

"До обращения язычника Фина он описывается как председательствующий на собрании в Таре "как друид в странноцветущих одеждах" (обратите внимание на сходство с Индрой и Ираклием), с двуконечным головным убором и с книгой в руке, как Брахма, Матфей, Вишну и рыбы божества Ассирии, и собора Клонфест, округ Голуэй, изображения которого приведены Кином.

"Двуглавая митра рыбьей формы, вертикальный жезл, пятнистая или клетчатая одежда и корзина в руках четко обозначают восточное представление о великом вожде фаликов, в то время как на русалка с открытой книгой и бойкой рукой наперевес, которая не позволяет даже водам затуманить ее сексуальные способности, мы видим ирландскую идею Атаргатис или Деркетис, или "Божественной Кетис", той формы Венеры, которую Юнона приняла в Купросе, в старом кельтско-пеласгическом храме Купреуса. Там, говорит Брайант, ей поклонялись *Пигалии*, *Пиалии* или *Пиалы*, то есть поклонники оракула или Пи, которых можно назвать Пи-и, Фин-и, Пи-ни или Пини, слово, которое, возможно, является основой латинских и французских терминов для обозначения фаллоса, и которое в остальном имеет неизвестное, но важное происхождение. Макробий называет *Дер-Кетис* "матерью богов", а сирийцы - "вместилищем богов", то есть *Эрком* или Ковчегом, который представляла рыба. Если бы мы полностью осознали происхождение *Дер-Кетиса*, то оказалось бы, что это, как и индийские имена, двойное или Линга-ин-Йони. Так, Брахма, сидящий на лотосе, называется *Брахма-Йони*, а если *Дер* - это дерево или дуб, то *Дер-Кетис* - это просто двуполое имя верховного бога. Мифическая Семирамида была дочерью *Дер-Кетиса*, которая была превращена в голубя, а ее мать - в рыбу, что свидетельствует о тесном переплетении всех этих фигур у фаллистов"[13].

"Христиане были очень равнодушны к рыбам, но, действительно, можно сказать, что они свободно перенесли все древние идеи, как какая вера не перенесла их после своей первой попытки очищения? На христианских гробницах особенно часто встречаются рыбы, обычно скрещенные, что напоминает нам о том, что скрещенные змеи обозначают акт совокупления, и в этом символизме рыба была бы очень естественной и обычной, поскольку обозначала бы новую жизнь в смерти. Дерсето, полурыба-полуженщина из храма Деи Сирии в Хире, была, по словам Лукиана, совершенством женщины; она была мистическим Оанесом, Атором и Венерой, которых египтяне передали нам забальзамированными.

"Поэтому отцы Церкви называли свои стада *Pisciculi*, а своего первосвященника - рыбаком; и давали всем кардиналам и епископам рыбью голову Дагона".

"Во всех странах рыба почитается как самое плодовитое из всех созданий; и там, где она ценится больше всего, суеверные люди приносят ее в жертву своим богам, отказываясь ее есть. Много раз я путешествовал по бедным и бесплодным странам, где это было все, что человечество могло сделать, чтобы жить, и видел реки и озера, кишашие прекрасной рыбой, к которой я не смел прикоснуться или делал это тайком с наступлением ночи, к досаде моих последователей и меня самого и к ущербу для людей.

"У финикийцев, кельтов и сирийцев мы находим особые упоминания о том, что они держали рыбу в величайшем почтении и в разные периоды своей истории не ели ее. У горных племен, живущих у истоков Инда, те же представления. Финикийцы изображают Дагона и Доркета, богов *Газы* и *Ас-Кал-она*, как богов-рыб, или, возможно, мы должны сказать, бога и богиню-рыбу, поскольку мы знаем, что они также были астартийскими божествами. *Кутера* и *Купрос* (Кипарис), как святилища Афродиты, соперничали в поклонении этой плодovитой Кубеле, а в

Сирии великое северное святилище Иерополис было наиболее священным для Венеры как *богини-рыбы*. В Кадисе, Кодесе или *Гадир-Гадесе* на одной стороне монет изображался Геркалес, а на другой - рыба или Лунетта; Сиракузы, или, скорее, Сура-Кос, и Сооса одинаково почитали своих плавников как священных для Плодородия. В наши дни мы можем представить, каким проклятием были эти верования для бедняков, да и для всего человечества"[14].

"Высокий круглый холм Фавор, известный христианам как "гора Преображения", фэлахины называют *пуповиной* своей великой матери-земли Терры - этого лона природы, в котором мы преобразуемся. Ей также посвящены священные храмы в Аскалоне и Акчо с соответствующими святыми водами; и до сих пор в Триполисе, ее очень древнем городе, мы находим ее пруд со священными рыбами, которые, как говорят, "борются с неверными", и к которым многие люди все еще совершают длинные паломничества, и поклоняются им с подношениями и жертвоприношениями. Мы часто натыкались на подобные священные пруды и озера в Индии, и нас предостерегали от них с нашей нечестивой удочкой и леской. Венера Триполиса была Кадишах или Атергатис; действительно, город называется Кадишах, имя, выражающее грубые фаллические пороки"[14].

"Дион Кассий говорит, что каледонцы никогда не едят рыбу, хотя их озера и реки неисчерпаемы. Две "святые рыбы" в семнадцатом веке обитали в колодце возле церкви Килмор в Аргайлшире. Они были черными, никогда не меняли цвет и не увеличивались ни в количестве, ни в размерах на памяти самых пожилых людей. Люди верили, что других таких не существует нигде. Мистер Мартин в своей книге "Западные острова" описывает обряды, которые проводили инвалиды, пришедшие исцелиться водами колодца в Лох-Сент на острове Скай. Они пили воду, затем обходили колодец *deasil* (по солнцу), а перед уходом оставляли подношение на камне. Мартин добавляет, что никто не решался убить ни одну рыбу в Лох-Сенте или срезать хотя бы веточку с соседней рощи. Эти обычаи, принятые в конце семнадцатого века, очевидно, связаны с поклонением солнцу, фонтану, рыбе и дубу.

"Отсутствие каких-либо намеков на искусство ловли рыбы используется как аргумент в пользу подлинности поэмы Оссиана, а также подтверждает утверждение Диона Кассия. Пожиратели рыбы - один из презрительных эпитетов, который шотландские кельты применяли к саксам и другим расам, поселившимся в низменных районах Шотландии, а остатки суеверного почитания рыбы, или, скорее, воздержания от нее как продукта питания, автор "Каледонии" отмечает как влияние на более чисто кельтскую часть британского населения в начале нынешнего века.

"Древними народами, которые не ели, но поклонялись рыбе, были сирийцы, финикийцы и кельты. Но в Кауфиристауне, в отдаленных районах Гиндукоша, кауфиры не едят рыбу, хотя не сказано, что они ей поклоняются. Они верят в одного великого бога, но имеют множество идолов, изображающих тех, кто когда-то был мужчинами и женщинами. Простой камень высотой около четырех футов изображает Бога, форму которого, по их словам, они не знают. Одно из их племен называет бога Дагоном. Бог и богиня рыб у финикийцев назывались Даго и Дерсето; поклонение Дагону было особенно распространено в Газе и Ашдоде, а Дерсето - в Аскалоне"[15].

"Старые скульптуры и геммы Вавилона и Ассирии представляют собой достаточное доказательство поклонения плодородию, но писатели и читатели одинаково теряют ключ или намеренно пропускают тему, и мы имеем яркий пример этого в случае прекрасного ассирийского цилиндра, демонстрирующего поклонение богу-рыбе, который мистер Роулинсон дает нам без комментариев. Здесь мы видим, как бог-мужчина в митральезе с

жезлом и корзиной поклоняется солнечному Плодоносителю, парящему над плодоносным деревом, на котором распускаются тринадцать полных почек, а позади него стоит другое крылатое божество, поддерживаемое звездой, голубем и йони. На противоположной стороне Древа Жизни - огонь, и еще один человек в акте поклонения, вероятно, жрец Бога, умоляющий обеими раскрытыми руками, чтобы просьбы двух других фигур были удовлетворены"[16].

"Я могу заявить, что все, что автор Anc. Mons. в отношении этих старых верований, полностью подтверждает то, на чем я настаиваю, хотя он далек от того, чтобы смотреть на их особенности так же, как я, поскольку он явно очень мало знает о восточных фаллических верованиях и их интерпретации. Ашторет - это Иштар или женщина, Звезда в нескольких смыслах; финикийцы называют ее Астартой, но "современная мендеевская форма - Аштар", а множественное число - Аштарот. Бунзен выводит это представительное имя из очень грубого, но, боюсь, совершенно верного источника: "место коровы - есть и есть"; ибо это соответствует идее всех индусов и показывает нам, что термины "мужчина" и "женщина" изначально означали *органы pur et simple*, что, собственно, и выражает автор Быт. i. 27 в словах *Zakar* и *Nekabah*. Во всех африканских и арабских диалектах *Нана*, а не Иштар, является самым распространенным термином для обозначения Матери, а обычные начальные буквы - Ма, Йа, Йе, Ни, и редко Ом и Он; см. длинный список из более чем ста имен, приведенных сэром Джоном Лаббоком как имена "неарийских народов Европы и Азии" и "Восточной Африки". Там мы видим, что Ма и даже Ама иногда используются для обозначения отца, возможно, потому, что среди некоторых племен существовал странный обычай, согласно которому он ложился в постель, чтобы защитить и согреть младенца, как только тот родился. Почти универсальными начальными звуками для обозначения предка мужского пола являются Па, Фа, Ба, в некоторых случаях - Да и Ад, а однажды - Од и Та. В Азии встречаются Баба, Аба, Апа и иногда Ама; теперь мы хотим знать происхождение этих звуков, но здесь филология молчит и, кажется, не в силах продвинуться вперед. Однако в отношении объективных корней религии дело обстоит иначе; Здесь мы работаем с разумными существами и видим, что род продолжается и что все человечество когда-либо продолжало спаривать, будь то в своем роде или в своих богах, одни и те же А, Р, Ф, Д для самцов и М, Н, Ом, Й для самок, И мы приходим к выводу, что это были самые ранние символы и названия половых органов человека, Омфа или Мамма матери, о которых человек узнал впервые, и А, Аб или Па, которые он заметил как характеристики противоположного пола. Ассирийцы часто представляли Иштар в виде вертикально стоящей рыбы, вероятно, из-за ее плодовитости, а также в качестве существа *высшего класса, связанного с водой*. Великая мифическая царица Семирамида, жена Нина, основателя Ниневии или Нинуса, по преданию, произошла от рыбы примерно за двадцать три века до нашей эры и была представительницей женского пола, Евой или Марией.

"Мифическая генеалогия Семирамиды начинается с рыбы и заканчивается Нином. Ее матерью была богиня-рыба Доркетто из Аскалона в Сирии, где ей поклонялись как Астарте или Афродите. Вплоть до времен Августа она славилась своей красотой, сладострастием, добродетелями и пороками. Нет никаких сомнений в том, что существовала правительница по имени Семирамида, которая завоевала большую часть Западной Азии, Египет и часть Эфиопии, а также покушалась на Индию. Ее рыбье происхождение объясняется просто тем, что она была женщиной и вышла замуж за Он или Онес, или, возможно, Оанес или Хо-Анес, рыбу-змею, или признанного бога страсти, как на нижнем Евфрате, так и на нижнем Ниле. Ее завоевания могут означать лишь то, что раса, которая верила в нее, побеждала, или то, что некоторые завоеватели принимали поклонение богине Солнца. Когда Калдия попала в Ассирию, ее очень естественно выдали замуж за Нинуса, или сильного Быка-Уана, которого

обозначало это имя; ее оберегали голуби, поскольку эти птицы были священны для Афродиты. Мистер Роулинсон считает, что истоки мифа лежат в царице Ивалуша восьмого века до нашей эры, которая, возможно, была вавилонянкой и разделяла правление со своим господином, но мало сомнений в том, что такая царица или богиня существовала. Ее имя, если оно включает в себя энергию солнца и оплодотворяющую энергию, естественно было бы Сивами или Сами (Бог), Рамес, Рами или Рамеси - богиня солнца, фактически Иштар, как называет ее Уилфорд, говоря, что эти имена означают Исиду. Ассирийская история гласит, что она произошла от голубя или Йони, что означает Капотеси, и это индийское проявление"[17].

ГЛАВА III.

Всеобщая любовь к цветам - Безразличие к цветам - Чрезмерная любовь к цветам, ведущая к поклонению - Мифы и легенды, связанные с цветами, Flos Adonis, Narcissus, Myrtle, Silene inflata, Clover - Столепестковая роза - Поклонение видам лилий - Обозначение Lotos - Гермафродитный характер Lotos - Мятёж в Индии 1857 года, роль Lotos в его разжигании.

"Почему?" - спросил один писатель несколько лет назад, - "почему при виде прекрасных цветов все глаза загораются от восторга, что во всех странах и среди всех народов любовь к цветам преобладает в такой степени, что ни один дом не считается полным без них, ни один праздник не почитается должным образом, если они не украшают место, где его отмечают? Их рассыпают на пути невесты, их возлагают на одр умершего; весельчак выбирает из цветочного племени эмблему своей радости, а скорбящий - знак своего горя. Везде и при всех обстоятельствах цветы с нетерпением ищут и нежно лелеют; а когда живые и растущие не достать, их место занимает какой-нибудь заменитель, в зависимости от обстоятельств или вкуса владельца; но будь то венок из великолепных драгоценных камней для чела королевской особы или пучок цветного батиста для украшения служанки, он обычно выполнен в форме цветов.

"Этот вкус не зависит ни от богатства, ни от воспитания, он присущ если не всем людям, то некоторым из каждого класса. С первых проблесков интеллекта у младенца цветок будет достаточно, чтобы заглушить его крики; и даже в старости ум, который не был извращен от своих естественных инстинктов, может найти спокойное и успокаивающее удовольствие в созерцании этих жемчужин творения."

Однажды в саду одного человека, считавшегося мудрым, спросили: "Любите ли вы цветы?". "Нет", - ответил он, - "я редко нахожу время, чтобы опуститься до мелочей". "Этот человек, - сказал один американский писатель, - своей речью выдал спуск в яму невежества. Цветы, милые цветы! Тот, кто не любит их, должен быть причислен к опасным членам общества вместе с человеком, в душе которого нет музыки".

Вместо того чтобы *не любить* или *не ухаживать* за цветами, оставлять их без внимания, *не любить* их, общая тенденция человечества заключается в том, чтобы впадать в противоположную крайность и оказывать им не просто оценку, заботу или любовь, а почитание и поклонение.

Поклонение цветам - одна из самых древних систем культа, с которыми мы знакомы. Его можно проследить на протяжении веков среди индусов, которые считали, что человеческая душа - это искра или эманация Великого Верховного, и полагали, что эта сущность может быть обновлена в человеке только через общение с его произведениями; он встречается среди китайцев, занимает важное место в мистериях египетского идолопоклонства, занимает видное место на прошлых и современных памятниках Мексики и в некоторой степени преобладает в Европе. Естественно, он возник в более теплых регионах Земли, где растительная продукция тропиков гораздо более великолепна по своей окраске и благородна по своему росту, и в этих регионах он все еще сохраняется, после того как был сметен в других странах перед прогрессом образования и более интеллектуальной религии.

Было бы интересно, если бы место позволило перечислить некоторые мифы и легенды, связанные с цветами, но поскольку у нас другая цель, мы должны пропустить их, ограничившись лишь беглым упоминанием. Есть Flos Adonis, который увековечивает память о любимце Венеры, Адонисе, сыне Мирры, которая, как говорят, сама превратилась в дерево под названием мирра. Венера часто предостерегала Адониса от охоты на диких зверей, но он, пренебрегая ее советом, был убит кабаном, после чего его хозяйка превратила его в этот цветок. Был и Нарцисс, который погубил себя, пытаясь уловить свою форму, отраженную в воде, на берегу которой он лежал. Затем у нас есть миртилл и мирт. Отец Гипподамии объявил, что никто не должен жениться на его дочери, которая не сможет победить его в гонках на колесницах; и один из любовников девушки подкупил Миртиллу, который был слугой Ценомайс, чтобы тот вытащил стержень из колесницы своего хозяина, в результате чего хозяин был убит; и Миртилл, раскаявшись при виде его смерти, бросился в море, после чего был превращен Меркурием в мирт.

Еще одна диковинка - кампион пузырчатый (*Silene inflata*). Древние писатели говорят, что раньше это был юноша по имени Кампион, которого Минерва наняла ловить мух для своих сов, чтобы они ели их днем, когда их глаза не служат им, чтобы ловить пищу для себя; но Кампион предался дремоте, когда должен был заниматься своим делом, и разгневанная богиня превратила его в этот цветок, который до сих пор сохранил в своей форме пузыри, в которых Кампион держал своих мух, и опускает свою голову ночью, когда совы летают за границей и имеют свои глаза вокруг них.

Обыкновенный клевер, который часто использовался на древнегреческих праздниках, германцы считали священным, главным образом в его четырехлистной разновидности. В окрестностях Альтенбурга действительно существует суеверие, что если крестьянин возьмет с собой домой горсть клевера, взятого с каждого из четырех углов поля своего соседа, то весь год его скот будет в порядке; но обычное поверье гласит, что четырехлистный клевер, благодаря своей крестообразной форме, наделен магическими свойствами. Общее суеверие гласит, что тот, кто носит его с собой, будет удачлив в играх и сможет обнаружить приближение злых духов. В Богемии говорят, что если дева сумеет без ведома положить его в туфлю своего возлюбленного, когда тот отправляется в путешествие, то он обязательно вернется к ней верным и невредимым. В Тироле влюбленный кладет его под подушку, чтобы увидеть сон о возлюбленной. Особенно в канун Рождества тот, у кого он есть, может увидеть ведьм. Если сорвать его рукой в перчатке и отнести в дом сумасшедшего так, чтобы никто этого не заметил, то, как говорят, он излечит от безумия. В Ирландии он также считается

священным и был увековечен в прекрасной песне Lover's как оберег от всех мыслимых бед и несчастий.

У евреев, по словам Зороастра, было поверье, что каждый цветок посвящен определенному ангелу, а столепестковая роза - архангелу высшего порядка. Тот же автор сообщает, что персидские огнепоклонники верят, что Авраам был брошен Нимродом в печь, и пламя тут же превратилось в ложе из роз.

В противоположность этому вера турок, которые считают, что этот прекрасный цветок появляется пота Мухаммеда, и, в соответствии с этим верованием, они никогда не ступают на него и не позволяют ему лежать на земле.

"Из кустарников или цветов наиболее важным на востоке и юге было поклонение лилиям. Октябрьская лилия - шафран - была очень священна для карнейского, или рогатого Аполлона, то есть солнца, так как рога обычно означают лучи славы, как в случае с рогатым Моисеем наших поэтов, художников и церковников, которые делают его похожим на египетского Аписа, из-за текста, в котором говорится, что "лицо его сияло", когда он спускался с горы. Все лилии в большей или меньшей степени связаны с женской или плодоносящей энергией, и даже в Европе мы имеем много историй о крокусах, потому что говорится об их "излучающих свет, имеющих особый вид колокольчиков, трехголовые и гребенчатые капилляры, три клетки и красноватые семена" и т. д.

"Лотос - местопребывание большинства божеств, но особенно - творца Брахмы, который, будучи вознесенным на престол, называется *Камал-а-йони*, или великий андрогинный бог. Лотос - лоно всего творения. Считается, что он возникает из одного только великого удобрения - воды; опустив свои огромные листья на это удобрение, как на ложе, он поднимается вверх на тонком изящном стебле и распускается прекрасным цветком. Даже суровый и могущественный Вишну восхищается лотосом, который является одной из четырех эмблем, которые он держит в своих четырехпалых руках. Это священный цветок Венеры.

"Цветок имеет форму лодочки, является олицетворением божественности и изображается выходящим из пупка великого бога, покоящегося на своем молочном море. Он всегда означает плодородие. Инман под названием "Набхи", пуп, говорит: "Зародыш - это "Мероо" (самая высокая вершина земли), лепестки и нити - это горы, которые окружают Мероо, тип Йони", а на санскрите - *mons veneris*. Среди четырнадцати видов фруктов и цветов, которые должны быть поднесены Ананте (санскр. - вечность), лотос - единственный обязательный, поскольку ему (Ананте) поклоняются в виде могучего змея с семью головами.

Индуисты и другие писатели часто говорят нам, что лотос породил идею треугольника, который является "первой из совершенных фигур, поскольку две линии - это несовершенство", и лотос также дает нам круг на треугольнике, который полон ячеек и семян, и поэтому еще более совершенен. Сива, как известно, "*бог треугольника*", и поэтому в его дворце на *Кайласе* нам говорят, что самый драгоценный предмет "на его столе из девяти драгоценных камней - падма (лотос), несущий в своем лоне треугольник, как начало и источник всех вещей", и что из "этого треугольника выходит Лингам, вечный бог, который делает в нем свое вечное жилище"; что, однако, не совсем верно со стороны М. Гиньянта, которого цитирует г-н Барлоу. Лотос представляет собой перевернутый треугольник и, следовательно, является женским знаком; пирамида или треугольник в основании - это Сива, или *Луч Света*, бог солнца.

"Еще одна причина, по которой лотос во всех странах столь священен, - его андрогинный или гермафродитный характер, свойственный всем великим богам человека, хотя это не очень понятно, если погрузиться глубоко под поверхность, как в случае с еврейским Элохимом, так и с лотосом. Брахма, творец, сидя на лотосе, как и все великие боги, пожелал, говорится в "Индуистском вдохновенном слове", создать вселенную и для этого стал андрогином, или дыханием-духом (Ruach?) - Пракрити или природой; когда творение одновременно началось и развивалось, как мы видим в генезисе большинства верований. Детали этого мистического растения очень заинтересовали все азиатские и египетские умы. В его круглой тычинке изображены два равнобедренных треугольника, расположенных друг напротив друга, которые санскритисты называют *шришти-чакрой*, а также шестнадцать лепестков, называемых *шудаса*; считается, что это откровение божества о подходящем возрасте для представительницы женщины или пракрити в церемониях сакти. Эти треугольники, вершинами вверх и вниз, являются *часословом* или магической диаграммой, над которой благочестивые люди должны размышлять, поскольку она имеет множество значений и обладает многочисленными заклинаниями; поэтому мы видим, что она почиталась во все ранние века и до сих пор является важным элементом масонства. Заклинания называются *деви-чакрами*, или богинями круга, что, несомненно, имеет солярное значение.

"Падма" и "Камалата", "Исполнитель желаний" или "Удовлетворитель наших желаний" - все это термины, применяемые к лотосу. Это символ Венеры или Лакшми, или ее воплощения - жены Кришны, Падхи, которая обычно представляет собой обнаженную Венеру или Сакти. Ее также называют "*вьюнком любви*", трон и ковчегом богов, а также рожденной из воды. Один из авторов пишет, что от далекого Тибета до Цейлона, на всех восточных землях и островках священная Падма лишь немногим менее священна, чем сама Царица Небес - Юнона (I Oni). Она так же таинственна, как и Йони, и, подобно ей, является цветком сокрытия, ночи и тишины, а также таинственности порождения и воспроизводства; ее описывают как некий непостижимый дуализм, который скрывает от нашего разума Всевышнего и его тайны. Линней говорит нам, что это *Nelumbo*, но Р. Пейн Найт выражается яснее, когда пишет об этом. Цветы лотоса содержат семенной сосуд в форме перевернутого конуса или колокольчика, которые являются очень священными символами у всех народов, и у представителей мужского и женского пола. Этот перевернутый колокол сверху пронизан маленькими углублениями или ячейками, в которых семена растут, как в матрице, питаемой материнским растением, пока не достигнут такого размера, что смогут вскрыть "лодку жизни". Затем они появляются на свет и уплывают, пуская корни везде, где находят почву, и выбрасывая длинные щупальца или усики в ее поисках. Эта идея выражена Брахмой в его обращении к ангелам, приведенном в *Линга-Пуране*, начинающемся словами: "Когда я возник, я увидел могучего Нараяну, покоящегося в пучине вод", что напоминает нам о еврейском Элохим-Боге, который, как говорят, породил все вещи "размышляя над глубиной" [18].

Тем, кто помнит индийский мятеж 1867 года и долгую историю ужасов, переполнивших британские владения горем, ужасом и негодованием, будет интересна информация о том, что заговор впервые проявился в распространении символов в виде пирожных и цветов лотоса. Комментируя это, один из авторов "Household Words" за сентябрь 1857 года, после описания и исторической справки о цветке, сказал: "Боюсь, я позволил себе слишком длинный экскурс в область ботаники, чтобы удовлетворить читателя, который просто хочет знать, почему индийские повстанцы выбирают цветы лотоса в качестве символов космического заговора. Уверен, что я так же непричастен к этому знанию, как и к восстанию, но попытаюсь помочь читателю догадаться. Четыре пятых человечества поклоняются богине-женщине, и следы этого поклонения можно найти в древнейших памятниках, документах и

традициях, простирающихся в прошлую вечность из тысячелетия в тысячелетие, в эпоху, выходящую за рамки записей о потопе и почти совпадающую с потерей Эдема. Тентирийская планисфера древних египтян изображает Деву и Младенца, поднимающихся из цветка лотоса. Египетские иероглифы изображают богиню Астерию, или Справедливость, выходящую из лотоса и восседающую в центре луча Весов. Живописные изображения суда над мертвыми представляют Осириса в образе Амеути, облаченного в белые одежды могилы, подпоясанного красным поясом и восседающего на клетчатом троне с белыми и черными пятнами, то есть добром и злом. Перед ним - ваза с нектаром, стол с амброзией, великий змей и лотос познания - эмблемы Рая. Существуют египетские алтари, на которых лотос изображен в виде древа жизни. Индуистские жрецы говорят, что лотос, поднимающийся из озер, - это прообраз мира, выходящего из океана времени.

Путешественники, наблюдавшие за культом индусов и парсов, рассказывают, что они воздают религиозные почести лотосу. Буддийские жрецы выращивают его в драгоценных вазах и помещают в свои храмы. Китайские поэты прославляют священный индийский боб, из которого возник их бог Амида со своим ребенком, посреди озера. Мы можем без труда представить себе внешний вид буддийских пагод, ведь наши готические соборы - это как раз те самые пагоды, имитированные в камне. Их колонны копируют стволы пальм и эффекты ползучих растений пагод; их пронзающие небо шпили - золотые брызги пальмовых цветов, а витражи слабо воспроизводят многочисленные блески тропического неба. Каждый благочестивый буддист, предаваясь благочестивым размышлениям, повторяет как можно чаще слова "Он ма ни бат мо Клом". Когда многие верующие стоят на коленях и повторяют этот звук, эффект напоминает контрабас или жужжание пчел; к повторениям примешиваются глубокие вздохи. Монгольские священники говорят, что эти слова наделены таинственной и сверхъестественной силой, они увеличивают добродетели верующих, приближают их к божественной защите и освобождают от мук будущей жизни. Когда священников просят объяснить эти слова, они говорят, что потребовались бы тома, чтобы рассказать обо всех их значениях. Клапрот, однако, утверждает, что эта формула - не что иное, как переложение четырех индуистских слов, "Om man'i radma houm", означающих "О! драгоценный лотос!". Не претендуя на то, что тома индуистских факиров о значении лотоса не могут пролить свет на использование его в качестве символа заговора, в приведенных мною фактах достаточно намеков, чтобы сделать вывод, что он служит знаком великого и всеобщего подъема от имени буддизма. Цветок был распространен, чтобы сплотить сторонников богини лотоса.

ГЛАВА IV.

Значение лотоса - Разновидности лотоса - Утверждения Геродота, Гомера, Теофраста, Диоскорида, Плиния, Афиней и других - Древовидный лотос - Священный лотос Нила - Индийский лотос - Непальское поклонение лотосу - Шинг-му, китайская святая мать - Лакшми - Царицы красоты - Любовь Кришны и Радхи.

Лотос - цветок, имеющий такое значение и значимость в рассматриваемой нами теме, и особенно в связи с древними культами Востока, в частности, *фаллического* характера, что мы, естественно, внимательно ищем лучшие описательные сведения, которые можем найти о нем. Один писатель (М. К. Кук, М. А.) в "Научно-популярном обзоре" за июль 1871 года пишет: "История священных растений всегда является интересным и поучительным исследованием; тем более, когда она простирается в далекую древность и связана с такими великими и развитыми народами, как Египет и Индия. Многое было написано и спекулировано относительно лотоса старыми авторами; и большая путаница существовала во многих умах из-за желания привести все ссылки и описания в соответствие с одним идеальным растением - классическим лотосом. Мы должны четко осознать, что невозможно объединить все фрагменты истории и описания, относящиеся к какому-то растению или растениям, известным под именем лотос, и встречающиеся на страницах Геродота, Гомера, Теофраста и других авторов, в одно гармоничное целое, и применить их к одному мифическому растению. Из слов самих авторов следует, что речь идет не об одном Лотосе, и никогда не предполагалось, что Лотос, подобно бессмертному Джову, является единым и неделимым. Таким образом, если мы убедимся, что одно название применялось не к одному и не к двум, а к двум совершенно разным растениям, нам будет не так трудно, как если бы мы попытались решить тщетную задачу приведения всех замечаний о лотосе к одному растению".

"Прежде всего, совершенно ясно, что гомеровский лотос, который обнаружил Улисс и который упоминается в девятой книге "Одиссеи", совершенно отличается от всех остальных. Интерес вызывает именно плод этого дерева, а не цветок, как у некоторых других - это древовидный лотос.

"Второй лотос можно назвать священным лотосом, или лотосом Нила. Именно он так часто изображается на памятниках, так много места занимает в декоре и, похоже, был переплетен с религиозной верой древних египтян. Этот лотос упоминается Геродотом, Теофрастом, Диоскоридом, Плинием и Афинеем как травянистое растение с водными повадками, и из их совместного описания кажется очевидным, что имеется в виду какой-то вид водяной лилии. Геродот говорит: "Когда река полноводна, а равнины затоплены, в воде растут многочисленные лилии, которые египтяне называют лотосами". Теофраст говорит: "Лотос, так называемый, растет главным образом на равнинах, когда страна затоплена. Цветок белый, лепестки узкие, как у лилии, и многочисленные, как у очень двойного цветка. Когда солнце садится, они закрывают семенной сосуд, а как только солнце встает, цветы раскрываются и появляются над водой; и так повторяется до тех пор, пока семенной сосуд не созреет и лепестки не опадут. Говорят, что в Евфрате и семенной пузырек, и лепестки опускаются в воду с вечера до полуночи на большую глубину, так что рука не может до них дотянуться; на рассвете они всплывают, а с наступлением дня поднимаются над водой; на восходе солнца цветы раскрываются, а , полностью раскрывшись, поднимаются еще выше и представляют собой подобие очень двойного цветка". Диоскорид говорит: "Лотос, растущий в Египте, в воде затопленных равнин, имеет стебель, как у египетского боба. Цветок маленький и белый, как у лилии, которая, как говорят, раскрывается на восходе солнца и закрывается на закате. Говорят также, что тогда семенной сосуд полностью скрывается в воде, а на восходе солнца он снова появляется". Афиней утверждает, что они растут в озерах в окрестностях Александрии и цветут в летнюю жару. Он также упоминает розовую и голубую разновидности. Я знаю, что в том прекрасном городе у них есть корона, называемая Антиной, сделанная из растения, которое там называют Лотос, это растение растет в озерах в летний зной, и есть два цвета этого растения; один из них цвета розы, из которого сделана корона Антиной; другой называется Лотинос, и у него синий цветок".

Прочитав ряд других описаний этих авторов, писатель продолжает: "Из этих описаний очевидно, что Священный Лотос Нила, Египетский Лотос древних, был разновидностью Нимфеи, распространенной в водах этой реки. Растения, да и животные тоже, так сильно зависят от внешних обстоятельств, что по прошествии веков они могут исчезнуть из мест, где когда-то были обычными. Из этого отнюдь не следует, что сейчас в Ниле процветают те же растения, которые были распространены при фараонах; однако, когда французы вторглись в Египет в 1798 году, Савиньи привез из Дельты голубую нимфею, которая была изображена в "Анналах музея", очень близко соответствуя по повадкам обычному лотосу, так часто встречающемуся на египетских памятниках.

"Очень вероятно, что цветы лотоса в руках гостей на египетских банкетах и в подношениях божествам были благоухающими. Манера, в которой их держали, усиливает эту вероятность, поскольку нет никакой другой причины, по которой они должны были бы находиться в такой близости от носа.

"Существует еще третий вид лотоса, упоминаемый Диоскоридом, Феокрытом и Гомером, который может быть каким-то видом *Medicago* или современным родом *Lotos*. Это травянистое растение, иногда дикое, а иногда культивируемое, но о нем всегда пишут, как о траве, и в одном случае его срывают кони Ахилла. Мы не будем задерживаться на определении этого растения, а сразу перейдем к последнему растению, с которым нам предстоит иметь дело.

"Киамос, или индийский лотос. Это растение едва ли может претендовать на звание одного из видов лотоса, упоминаемых древними, поскольку они четко называют его египетским бобом, или киамосом. Это растение у индусов имеет священный характер, такой же, как лотос у египтян. Оно, несомненно, имеет азиатское происхождение, но в свое время было в изобилии в Египте, откуда в настоящее время полностью исчезло. Он изображен на египетских памятниках, но встречается гораздо реже, чем священный лотос. Некоторые авторы объявляют его настоящим "Священным лотосом Египта", на что он никак не претендует. Геродот, описав лотос, добавляет: "Есть и другие лилии, похожие на розы (и они тоже росли в Ниле), чье плодоношение происходит в отдельном семенном сосуде, появляющемся в виде присоски от корня, по виду напоминающем осиное гнездо и содержащем множество семян, размером с оливковую ягоду. Они также употребляются в пищу, когда становятся нежными и сухими.

"Теофраст, описывая это растение, говорит: "Оно произрастает на болотах и в застойных водах; длина стебля, в самом длинном случае, четыре локтя, а толщина - палец, как у гладкого бесшовного тростника. Внутренняя структура стебля перфорирована по всей длине, как медовый сот, а на его вершине находится макообразный сосуд для семян, по окружности и внешнему виду напоминающий осиное гнездо. В каждой из ячеек находится боб, выступающий немного выше поверхности семенного сосуда, который обычно содержит около тридцати таких бобов или семян. Цветок вдвое больше мака, цвета распутившейся розы и приподнят над водой; вокруг каждого цветка образуются крупные листья размером с фессалийскую шляпу, имеющие такую же ножку, как и цветоножка. В каждом сломанном бобе можно увидеть зародыш растения, из которого вырастает лист. Так же много и плодов. Корень толще самого толстого тростника и такой же ячеистый, как стебель, и те, кто живет на болотах, употребляют его в пищу сырым, вареным или жареным. Эти растения размножаются спонтанно, но их выращивают на грядках. Чтобы сделать эти грядки, бобы высевают в грязь, предварительно тщательно перемешав с мякиной, чтобы они могли оставаться без повреждений, пока не укоренятся, после чего растение становится безопасным. Корень сильный и не похож на корень тростника; стебель тоже похож, только он

весь в колючках, и поэтому крокодилы, которые не очень хорошо видят, избегают этого растения, боясь, что колючки попадут им в глаза".

Майор Друри отмечает, что семена высевают так: сначала их заключают в глиняные шарики, а затем бросают в воду. Сэр Джеймс Смит говорит, что со временем вместе лище отделяется от стебля и, нагруженное спелыми овальными орехами, плавает по воде. Орехи вегетируют, превращаясь в роговую оболочку молодых прорастающих растений, которые в конце концов вырываются из своего заточения и укореняются в иле.

Сопоставив эти и другие свидетельства, автор статьи утверждает, что нет никаких сомнений в том, что это растение, известное древним как киямос или египетский боб, тамара современной Индии.

"Бобы и цветочные стебли этого растения изобилуют спиральными трубками, которые извлекают с большой осторожностью, аккуратно отламывая стебли и раздвигая концы; из этих нитей готовят фитили, которые индусы сжигают в лампах, установленных перед святилищами своих богов. В Индии, а также в Китае и на Цейлоне цветы считаются особо священными".

Сэр Уильям Джонс говорит: "Тибетцы украшают им свои храмы и алтари, а уроженец Непала совершил перед ним протест, когда вошел в мой кабинет, где лежали для осмотра прекрасное растение и красивые цветы".

"Тунберг утверждает, что японцы считают это растение угодным богам, и изображения их идолов часто изображаются сидящими на его больших листьях. В Китае Шинг-му, или Святая Мать, обычно изображается с цветком этого растения в руке, и мало какой храм обходится без какого-либо изображения этого растения.

"Согласно китайской мифологии, Шинг-му родила сына, будучи девственницей, съев семена этого растения, которые лежали на ее одежде на берегу реки, где она купалась. Со временем она вернулась на то же место, и там родила мальчика. После этого младенец был найден и воспитан бедным рыбаком, а со временем стал великим человеком и творил чудеса. Когда Шинг-му изображают стоящей, она обычно держит в руке цветок; когда она сидит, ее обычно сажают на один из его листьев"[19].

В Индии, включая Тибет и Непал, Лотос (Лотос) пользуется высочайшим почитанием. Среди брахманов и восторженных индусов ни на один объект природы не смотрят с большим суеверием, а их книги изобилуют мистическими упоминаниями об этой прекрасной водной стихии. Считаясь самым красивым из овощей, она не без основания служит именем для индуистской королевы красоты, а Камал или Камала - это имя Лакшми, как и Падма или Педма, другое санскритское название для обеих. В образе Камалы Лакшми обычно изображается с лотосом в руке, а на большинстве изображений и статуй ее супруга Вишну, в качестве отличительного атрибута, в одной из четырех рук он держит Педму, или бутон лотоса. Соответственно, поскольку растение изображается на разных стадиях цветения, в глазах мистиков оно меняет свои эмблематические аллюзии. Как водное растение, лотос является также символом Вишну, который олицетворяет воду или влажность, и часто изображается сидящим на нем. Брахма, творческая сила, также иногда сидит на лотосе, и его несут на его чашечке в причудливом представлении обновления мира, когда это мистическое растение вышло из пупка Вишну со дна моря, где он покоился на змее Леше.

Лакшми, как мы только что заметили, - это сакти или супруга Вишну, хранящая сила божества. Обширная секта вайшнавов, или поклонников Вишну, почитает Лакшми как мать

мира, а затем называет ее Ада Майя; а те вайшnavы, которые являются сактами, то есть почитателями превосходства женской энергии, широко поклоняются ей как типу Вечного Существа и наделяют ее соответствующими атрибутами. Поэты и художники изображают ее совершенной красоты. Женщины индусов обычно носят ее имя: в длинном каталоге их божеств найдется немного таких, чьи различные имена и функции так часто упоминаются в разговорах и письмах, посвященных теогонии, мифологии, поэзии или философии. Ее земные проявления были частыми, а происхождение разнообразным. Как Ремба, богиня, рожденная морем, она возникла из четырнадцати драгоценных камней океана, когда добрые и злые существа взбивали их для получения амриты или напитка бессмертия. Затем она принимает облик Венеры Марины, или Афродиты греков, которая, как воспевают Гесиод и Гомер, вышла из моря, взошла на Олимп и пленила всех богов. О порождении Рембы, Шри или Лакшми рассказывается в тридцать шестом разделе первой книги "Рамаяны". "Боги, асуры и гандхарвы, вновь взволновав море, через долгое время явили великую богиню, обитающую в лотосе; одетая с превосходной красотой, в первом расцвете юности, покрытая украшениями и имеющая все благоприятные знаки; украшенная короной, с браслетами на руках, ее струистые локоны струились кольцами, а тело, похожее на отполированное золото, было украшено орнаментом из жемчуга. Так появилась богиня Падма или Шри, обожаемая всей Вселенной, по имени Падма. Она поселилась в лоне Падма-набхи, даже Гери", то есть Вишну, чьими именами она названа. Шри, как часто называют это божество, особенно выделяет ее как богиню удачи, слово, означающее *процветание*; но оно не относится исключительно к Лакшми. Другие ее имена происходят от лотоса, который является эмблемой женской красоты и особенно применим к этой богине. На изображениях и картинах, которые очень распространены в Индии, Лакшми обычно представлена как простая женщина; иногда, однако, четырехрукая; часто держащая камал или лотос, в легкой и элегантной позе, и всегда очень красивая. Вместе со своим повелителем, Вишну, она часто изображается на змее Сеше; он отдыхает, она почтительно присутствует, в то время как лотос, выходящий из пупка Вишну на поверхность моря (так как эта сцена является подводной), несет в своей расширенной чашечке Брахму, создателя мира, собирающегося выполнить работу по обновлению. Иногда она восседает вместе со своим повелителем на Гаруде, или Сверхновой, очищающей воздух, олицетворением которой является Вишну. В самой великолепной аватаре Вишну, или воплощении Кришны, она стала проявляться как Рукмейн, или Радха, самое обожаемое из любовных божеств и мать бога любви; здесь она снова соответствует нашей популярной Венере, матери Купидона. В аватаре Рамы Лакшми была его верной супругой в образе Ситы; в аватаре Нарсингхи она была Нарсинхи, или Нрисинхи; при Варахе - Варахи; как сакти Нараяны ее называют сектанты Нарайни; в большинстве многочисленных воплощений Вишну она спускалась вместе с ним, часто под его собственным небесным именем: как его супруга в целом она называется Вайшnavи.

Лакшми и Бхавани считаются королевами красоты, а их образы, как говорят, "переплавляются друг в друга". Лакшми обычно видят с камалом или лотосом, эмблемой женской красоты, в руке, ее называют Камалой: это слово некоторые, в частности сэр В. Джонс, в своих ранних лекциях по индуистской мифологии, пишут как Кемел. В своем глубоком и вдохновенном гимне Нараяне, который каждый, кто изучает его тему, должен внимательно прочитать, это божество, олицетворение Духа Брахмы, как "он небесный задумчивый на Лотосе лежал", говорит Брахме: "Иди; скажи всем мирам существовать!" И Лотос апострофируется таким образом: - "Слава первоцвету!

"Славься, первоцвет! Славься, эмпирейская жемчужина!
Кемел, или Педма, или какое бы высокое имя ни было.
Восхити тебя; скажи, что за божество в четырех формах явилось,

С изящной походкой и диадемой,
Из твоего зеленеющего стебля?
Полностью одаренный Брахма"[20].

Следующий отрывок из "Любви Кришны и Радхи" показывает глубокие поэтические чувства, связанные с цветами, и особенно с лотосом. Кришна, страдающий от ревнивого гнева Радхи, восклицает.

"Дай мне только увидеть тебя, о прекрасная Радхика, ибо страсть терзает меня. Я не страшный Махеша: гирлянда из водяных лилий с тончайшими нитями украшает мои плечи - не змеи с извивающимися складками; голубые лепестки лотоса сверкают на моей шее - не лазурный блеск яда; пудра сандалового дерева посылает мои конечности - не бледный пепел. О бог любви! Не принимай меня за Махадеву; не рани меня снова; не приближайся ко мне в гневе; не держи в руке древко, утыканное цветком амры. Мое сердце уже пронзили стрелы из глаз Радхи, черных и острых, как у антилопы; но мои глаза не радуют ее присутствие. Ее глаза полны древков, ее брови - луки, а кончики ушей - шелковые струны: так вооруженная Анангой, богом желаний, она идет, сама будучи богиней, чтобы обеспечить его триумф над побежденным угрызением совести. Я размышляю о ее восхитительных объятиях, об исчезающих взглядах, устремленных из благоухающего Лотоса ее уст, о ее речи, капающей нектаром, о ее губах, румяных, как ягоды Бимбы".

Радха, наполовину умиротворенная, нежно упрекает его: "Увы, увy!"

"Увы, увy! Уходи, Мадхава, уходи, Кешави; не говори языком лукавства: следуй за ней, о Лотосоглазый бог, следуй за ней, которая рассеивает твои заботы". Посмотри на его глаза, полуоткрытые, красные от бодрствования в течение приятной ночи, но все еще улыбающиеся от любви к моей сопернице. Твои зубы, о лазурный юноша! такие же лазурные, как и цвет лица, от поцелуев, которые ты запечатлел на прекрасных глазах своей возлюбленной, присыпанных темно-синей пудрой; а твои конечности, отмеченные пробоинами в любовных войнах, демонстрируют письмо завоевания, написанное полированным сапфиром с жидким золотом. Широкая грудь, испачканная ярким лотосом ее ног, покрывает румяными листьями дерево твоего сердца, которое трепещет в нем. Прикосновение ее губ к твоим ранило меня до глубины души. Ах! Как ты можешь утверждать, что мы едины, если наши ощущения так сильно различаются? Твоя душа, о темнокожий бог! внешне показывает свою черноту; даже твое детское сердце было злокачественным, и ты дал смерть кормилице, которая должна была дать тебе молоко".

Далее Кришна описывается в той же поэме следующим образом.

"Его лазурная грудь сверкала жемчужинами безупречного блеска, подобно полному руслу лазурной Ямуны, переливающейся локонами белой пены. С его изящной талии струилось бледно-желтое одеяние, напоминавшее золотую пыль водяной лилии, рассыпанную по ее голубым лепесткам. Его страсть разгоралась под взглядом ее глаз, которые играли, как пара водоплавающих птиц с лазурным оперением, что резвятся возле цветущего лотоса на водоеме в пору росы. Яркие серьги, как два солнца, демонстрировали в полном раскрытии цветы его щек и губ, которые сверкали жидким сиянием улыбок. Его локоны, переплетенные с цветами, были подобны облаку, расцвеченному лунными лучами, а на лбу сиял круг ароматных масел, добытых из сандала Малайи, подобно луне, только что появившейся на сумеречном горизонте, а все его тело казалось охваченным пламенем от сияния бесчисленных драгоценных камней".

По поводу упоминания выше *голубого* лотоса Моор замечает: "Написано на севере Индии; лотос в южных частях, Бенгалии и Декхане, имеет только белые и красные цветы. Поэтому индусские поэты притворяются, что лотос был окрашен в красный цвет кровью Сивы, вытекшей из раны, нанесенной стрелой Камы".

А по поводу выражения "яркий лотос ее ступни" он говорит: "Индусские женщины красят подошвы ног и ногти в ярко-красный цвет. Редха в своей неистовой ревности воображает, что видит отпечаток ноги соперницы на груди Кришны; возможно, она наблюдает неизгладимый отпечаток ноги Бхригу, полученный Вишну на своей груди."

"Индийцы обычно изображают тайну своей физиологической религии эмблемой *Нимфеи*, или *Лотоса*, плывущего, как лодка, по безбрежному океану; где все растение означает и землю, и два принципа ее оплодотворения: зародыш - это *Меру* и *Линга*; *лепестки* и *нити* - это горы, которые окружают Меру, и также являются типом *Йони*; листья чашечки - это четыре обширные области, расположенные в кардинальных точках Меру, а листья растения - это *двипы* или острова вокруг земли *Джамбу*. Другая их эмблема называется *аргха*, что означает *чашу* или *блюдо*, или любой другой сосуд, в котором *фрукты* и *цветы* предлагаются божествам, и который всегда должен быть *в форме лодки*, хотя сейчас мы видим аргхи самых разных форм, овальные, круглые или квадратные; поэтому Исвара носит титул *Арghanатха*, или повелитель сосуда в форме лодки: Обод вокруг *аргхи* представляет таинственную *Йони*, а пуп Вишну обычно обозначается выпуклостью в центре, в то время как содержимое сосуда является символом *лингама*. *Аргу*, как тип *адхара-сакти*, или *силы зачатия*, возбуждаемой и оживляемой *лингамом*, или *фаллосом*, мы не можем не предположить, что это одно и то же с кораблем Арго, который был построен, согласно Орфею, Юноной и Палласом, а согласно Апполонию, Палласом и Аргусом по просьбе Юноны: *Йони*, как это обычно произносится, почти напоминает имя главной гетрусской богини, а санскритская фраза *Arghanatha Iswara* кажется точно переданной Плутархом, когда он утверждает, что Осирис был командиром "Арго". Мы не можем утверждать, что слова *phala*, или фрукт, и *phulla*, или цветок, когда-либо имели смысл фаллоса; но фрукты и цветы - главные жертвоприношения в *аргха*, а *triphala* - это название, которое иногда дается, особенно на западе Индии, трифуле, или трезубцу Махадевы. Можно доказать, что Юпитер Трифилий с Паучьих островов был не кем иным, как Сивой, держащим трифалу, который также изображается с тремя глазами, чтобы обозначить тройную энергию, как Вишну и Притхиви по отдельности изображаются равносильным треугольником (который также дает представление о способности) и вместе, когда их силы предполагаются объединенными, двумя такими равными треугольниками, пересекающимися друг с другом"[21].

ГЛАВА V.

История бога огня и его тайна - рост поклонения огню - огонь как неотъемлемая часть индуистского культа - халдеи - персы - евреи - огонь в индуистских церемониях - обязанности индуистской жизни - змея и огонь - фаллос - пифические солнечные святилища - огонь и фаллические поклонения - прыжки через огонь - огонь. Прыжки через

огонь в Шотландии - Прыжки через огонь в России - Меды как огнепоклонники - Сабинь - Огонь и древние христиане - Римская церковь и огонь - Иудеи - Храм Весты - Поклонение огню в Ирландии - Фаллос - Поклонение огню у греков и римлян.

Преподобный У. Гилл в своей книге "Мифы и песни южной части Тихого океана" приводит историю, особенно подходящую для того, чтобы обратить на нее внимание, под названием "Секрет бога огня". В ней рассказывается, что изначально огонь был неизвестен жителям планеты, которые по необходимости питались сырой пищей. Что в неземном мире (Авайки) жили четыре могущественных существа: Манике, бог огня; бог солнца Ра; Ру, покровитель небес; и, наконец, его жена Буатаранга, хранительница дороги в невидимый мир. У Ру Буатаранги родился знаменитый сын Мани. В раннем возрасте Мани был назначен одним из хранителей этого верхнего мира, где живут смертные. Как и остальные обитатели этого мира, он питался неприготовленной пищей. Мать Буатаранга иногда навещала сына, но всегда ела отдельно, из корзины, принесенной с собой из нижнего мира. Однажды, когда она спала, Мани заглянул в ее корзину и обнаружил там приготовленную пищу. Попробовав ее, он пришел к выводу, что она значительно лучше сырой пищи, к которой он привык. Эта пища была из мира недр, и было очевидно, что секрет огня находится там. Он спустился в подземный мир, где жили его родители, чтобы обрести это знание и впредь наслаждаться роскошью приготовленной пищи.

Далее в рассказе говорится, что когда Буатаранга на следующий день отправилась в путешествие в мир недр, Мани, сам того не ведая, последовал за ней. Он увидел свою мать, стоящую напротив черной скалы, к которой она обратилась со следующими словами: "Буатаранга, спустись телесно в эту пропасть. Радуга-подобная должна быть послушна. Как две темные тучи расходятся на рассвете, Откройте, откройте мне дорогу в неземной мир, вы, свирепые!"

При этих словах скала расступилась, и Буатаранга спустился вниз. Мани тщательно запомнил эти слова и отправился к богу Тане, владельцу чудесных голубей. Он попросил Тане одолжить ему одного, но так как тот, которого Тане дал ему, не понравился ему, он вернул его, как и другого и лучшего. Единственной птицей, которая могла его удовлетворить, был некий красный голубь, которого хозяин особенно ценил и очень любил. Тане сначала не хотел расставаться с птицей и согласился только после того, как Мани пообещал вернуть ее в целости и сохранности. Отправился Мани с птицей к месту, где спустилась его мать. Произнеся волшебные слова, скала открылась, и Мани спустился вниз. Демоны-хранители пропасти, разгневанные тем, что к ним явился чужак, попытались схватить голубя, намереваясь его съесть. Им удалось завладеть только хвостом, без которого голубь и полетел дальше. (Говорят, что Мани превратился в маленькую муху-дракона и сидел на спине голубя).

Прибыв в Неземную страну, Мани стал искать дом своей матери, который был первым, который он увидел. Голубь приземлился на печь напротив открытого сарая, где Буатаранга выбивала ткань. Она остановила работу, чтобы взглянуть на птицу, которая, как она догадалась, была гостьей из верхнего мира, поскольку ни один из голубей в тени не был красным. Она обратилась к птице: "Не с дневного ли света ты прилетела?" Голубь кивнул в знак согласия; "Не ты ли мой сын Мани?" Голубь снова кивнул. Тогда Буатаранга вошла в свое жилище, а птица полетела к хлебному дереву. Мани принял свой прежний облик и пошел обнимать свою мать, которая поинтересовалась, как он спустился в подземный мир и какова цель его визита. Мани ответил, что пришел узнать тайну огня. Буатаранга сказала: "Этот секрет принадлежит богу огня Манике. Когда я хочу приготовить еду, я прошу твоего отца Ру

выпросить у Манике зажженную палку". Мани поинтересовался, где живет бог огня. Его мать указала направление и сказала, что это место называется Аре-ава, *дом баньяновых палочек*. Она предупредила сына, чтобы он был осторожен, "потому что, - сказала она, - огонь - страшный человек и очень раздражительный".

Мани смело подошел к дому бога огня. Манике, который был занят приготовлением еды в печи, остановился и спросил, чего хочет незнакомец. Мани ответил: "Огненную марку". Огненная марка была дана. Мани отнес его к ручью, протекавшему мимо хлебного фруктового дерева, и там погасил. Вернувшись к Манике, он взял второе огненное клеймо, которое также погасил в ручье. В третий раз, когда бог огня потребовал зажженную палку, он был вне себя от ярости. Разгребая пепел из печи, он дал смелому Мани немного его на куске сухого дерева. Эти живые угли были брошены в ручей, как и прежние зажженные палочки.

Мани правильно рассудил, что от огненного клейма будет мало толку, если он не сможет получить секрет огня. Клеймо в конце концов погаснет, *но как воспроизвести огонь?* Поэтому он решил поссориться с богом огня и силой заставить его выдать бесценный секрет, до сих пор не известный никому, кроме него самого. С другой стороны, бог огня, уверенный в своей непомерной силе, решил уничтожить этого наглого нарушителя его тайны. Мани в четвертый раз потребовал у разгневанного бога огня. Манике приказал ему удалиться под страхом быть подброшенным в воздух, так как Мани был небольшого роста. Но гость сказал, что для него нет ничего лучше, чем испытание силы с богом огня. Манике вошел в его жилище, чтобы надеть свой боевой пояс, но, вернувшись, обнаружил, что Мани раздулся до огромных размеров. Ничуть не обескураженный этим, Манике смело схватил его обеими руками и швырнул на высоту орехового дерева какао. При падении Мани сумел придать себе такую легкость, что ничуть не пострадал от своего приключения. Манике, взбешенный тем, что его противник еще может дышать, собрал все свои силы и в следующий раз подбросил его гораздо выше самого высокого орехового дерева какао, которое когда-либо росло. Но Мани остался невредим, а бог огня лежал, задыхаясь.

Теперь настала очередь Мани. Схватив божество огня, он подбросил его на головокружительную высоту и снова поймал руками, как мяч. Не дав Манике коснуться земли, он во второй раз подбросил его в воздух и поймал в свои руки. Уверенный, что это лишь подготовка к последнему броску, который решит его судьбу, задыхающийся и совершенно измученный Манике умолял Мани остановиться и пощадить его жизнь. Все, что он пожелает, будет принадлежать ему.

Бог огня, оказавшийся в жалком положении, получил возможность немного отдышаться. Мани сказал: "Только при одном условии я пощажу тебя - расскажи *мне секрет огня. Где он спрятан? Как его добывают?*" Манике с радостью пообещал рассказать ему все, что знал, и провел его внутрь своего удивительного жилища. В одном углу лежало множество тонкого волокна ореха какао, в другом - связки палок, дающих огонь: *ау*, *оронга*, *тауину* и особенно *аоа*, или баньяновое дерево. Все эти палки были сухими и готовыми к использованию. В центре комнаты стояли две небольшие палки, которые лежали сами по себе. Одну из них бог огня дал Мани, попросив его крепко держать ее, а сам энергично заработал другой. И вот звучит песня бога огня: - "Даруй, о даруй, мне твой огонь!"

"Даруй, о даруй мне твой скрытый огонь,
Ты, баньяновое дерево!
Соверши заклинание;
Вознеси молитву (духу)
Баньяновому дереву!"

Разожги огонь для Манике
Из пыли баньянового дерева".

Когда песня была закончена, Мани, к своей великой радости, заметил слабый дымок, появившийся из мелкой пыли, образовавшейся в результате трения одной палки о другую. По мере того как они продолжали работать, дым увеличивался; и вот, благодаря дыханию бога огня, возникло небольшое пламя, когда тонкое волокно ореха какао было использовано, чтобы поймать и увеличить пламя. Теперь Манике призвал на помощь различные связки палок и быстро развел пылающий костер, к изумлению Мани.

Великий секрет огня был раскрыт. История гласит, что победитель, желая отомстить за свою беду и подбрасывание в воздух, поджег жилище своего противника, и через некоторое время весь подземный мир был охвачен пламенем, которое поглотило бога огня и все, чем он владел.

Тогда Мани подобрал две огненные палочки и поспешил к хлебному дереву, где его возвращения ждал красный голубь. Первой его заботой было восстановить хвост птицы, чтобы избежать гнева Тана. Времени терять было нельзя, ведь пламя быстро разрасталось. "Он снова сел на голубя, который нес свои огненные стебли по одному в каждом когте, и полетел к нижнему входу в пропасть. Еще раз произнес слова, которые он узнал от Буатаранги, скалы расступились, и он благополучно вернулся в этот верхний мир. Теперь Мани вновь обрел свой прежний человеческий облик и поспешил унести с собой любимую птицу Тане. Пройдя через главную долину Кейя, он обнаружил, что пламя опередило его и нашло отверстие в Теаве, которое с тех пор закрыто. Королевские Ранги и Мокойро дрожали за свою землю, ибо казалось, что все будет уничтожено пожирающим пламенем. Чтобы спасти Мангаю от полного уничтожения, они напрягли все силы и в конце концов сумели потушить огонь. В память о своих страданиях Ранги с тех пор получил новое имя Матамеа, или Водяной Глаз; а Мокойро с тех пор стали называть Анаи, или Дым".

"Жители Мангаи воспользовались пожаром, чтобы добыть огонь и приготовить еду. Но через некоторое время огонь погас, а так как они не владели секретом, то не могли добыть новый огонь.

"Но в жилище Мани никогда не было огня, и это обстоятельство вызвало всеобщее удивление. Многие допытывались о причине. В конце концов он сжалился над жителями мира и открыл им удивительный секрет: огонь скрыт в гибискусе, крапиве, тауину и баньяне. Этот скрытый огонь можно вызвать с помощью огненных палочек, которые он изготовил. В заключение он попросил их напевать песню бога огня, чтобы придать действенность использованию огненных палочек".

"С того памятного дня все обитатели верхнего мира с успехом пользовались огненными палочками и наслаждались роскошью света и приготовленной пищи".

"Этот примитивный способ добывания огня сохранился и по сей день; правда, вместо тонкого волокна какао-ореха в качестве щепы используется хлопок. Раньше считалось, что только четыре вида дерева, найденные в жилище бога огня, могут дать огонь.

"Аоа" означает баньяновое дерево; для усиления интенсивности и ритма слово удлиняется до "аоаоао". Баньян был священным для бога огня.

"Место, через которое, как говорят, прорвалось пламя, названное Те-оао или *баньяновым деревом*, было священным, пока христианство не побудило владельца превратить пустующую землю в пару грядок таро"[22].

"Свет, затем огонь, солнце и "все воинство небесное", похоже, последовательно и, наконец, коллективно стали объектами поклонения арианской расы; но прежде всего свет, который был для них главным объектом поклонения в Северной Индии до периода сбора или составления гимнов самой ранней Индуистской Веды, или, в круглых цифрах, тридцать пять веков назад.

"Согласно Геродоту, персы почитали огонь как божество, а Плиний объясняет, что персидская магия, очевидно, могла быть заимствована из практики бриттов. Существует множество свидетельств того, что наши языческие предки поклонялись солнцу и луне. Поэтому можно сделать разумный вывод, что в Британии, как и в других странах, огонь был заменен как типичный представитель великого светила - его света и тепла - и стал объектом поклонения, когда солнце было заслонено или невидимо в сезоны, отведенные для празднования религиозных обрядов сабианского культа. Но мы не зависим от умозаключений, какими бы рациональными они ни были, чтобы понять, что огонь был объектом поклонения наших языческих предков даже в одиннадцатом веке; ведь в законах Кнута огонь фигурирует как один из объектов, поклонение которым запрещено".

"Огонь, похоже, всегда прочно удерживал удивление, а затем и обожание младенческого ума. И по сей день он является неотъемлемой частью всех индуистских культов и церемоний. От колыбели до могилы, когда индус сгибается в объятиях бога, древние расы вокруг меня ищут его, используют его, приносят ему жертвы и обожают его".

Халдеи очень почитали огонь, который они считали божеством; в провинции Вавилон был город, освященный для этого, который назывался Ур, или Огненный город.

Персы также почитали Бога под образом или представлением огня, потому что именно огонь придает движение всему в природе. У них были храмы, которые они называли "Ругаа", храмы огня, созданные исключительно для сохранения священного огня. Говорят, что в этой империи до сих пор сохранились костры, которые горели многие тысячи лет.

Поклонение богине Весте и огню было принесено в Италию Энеем и другими троянцами, которые высадились там; но сами фригийцы получили его от восточных народов. У галлов огонь был предметом религиозного почитания; подобные настроения и обычаи преобладали в некоторых странах Америки.

Евреи поддерживали священный огонь в храме. Этот священный огонь сошел с неба сначала на жертвенник в скинии при посвящении Аарона и его сыновей в священство, а затем вновь сошел на жертвенник в храме Соломона при освящении этого храма. И там его постоянно поддерживал священник днем и ночью, не позволяя ему никогда погаснуть, и с ним приносились все жертвы, требующие огня. Этот огонь, по мнению некоторых иудейских писателей, погас во времена Манассии; но более распространено мнение, что он продолжался до разрушения храма халдеями; после этого он больше никогда не восстанавливался, а вместо него во втором храме был только обычный огонь.

Роль, которую играет огонь в жизни индусов, весьма примечательна и свидетельствует о том, что в некоторых странах эта форма поклонения преобладала и преобладает до сих пор. В самые ранние дни жизни человека, в детстве, во время церемонии, называемой инвеститурой нити, огонь разжигается из помета священной коровы, окропляется святой водой и благословляется. Затем к нему подносят различные подношения из зерна, масла и т. д., которые совершают верующие, испрашивающие благословения, а священник все это время читает отрывки из священных книг. Отец и мать ребенка молятся Агни (Огню) о прощении его прошлых грехов, совершенных по неведению; затем они объявляют его

достигшим возраста, когда он может знать добро и зло - ему от семи до девяти лет. Затем священная нить, после того как ее должным образом омыли и подержали над огнем, надевается на шею ребенка, делая его брахма-ачаром - тем, кто поклялся исполнять законы и предписания Брахма или Всемогущего Бога". Дюбуа в "Mœurs des Indes" пишет: "Благочестивый отец затем скажет своему ребенку наедине: "Помни, сын мой, есть только один Бог, Суверенный Владыка и Принцип всех вещей, и каждый брахман обязан поклоняться ему втайне"".

Через две недели после этого происходит своего рода церемония подтверждения, опять же перед огнем, в которой родители обещают, что проследят за тем, чтобы он женился и вел хорошую жизнь.

Брак - главная черта в жизни индусов, и, как известно, он заключается очень рано и сопровождается множеством важных церемоний.

И здесь огонь занимает особое место как объект поклонения, а церемония перед ним - богом Агни - является последней и самой серьезной из всех. Со связанными вместе одеждами невеста и жених шествуют вокруг божества, бросая ему свои подношения, которые теперь "символизируют, - говорит Форлонг, - жертву всей своей девственной скромности богу, как эмблему сексуального огня". Затем в обращении к огню дается последняя клятва взаимной любви и веры, и пара, которая является всего лишь юношей и девушкой, должным образом обвенчана.

Чуть позже, когда наступает время для совместного проживания, проводится четвертая церемония, в ходе которой снова поклоняются огню и приносят жертву.

В финальной сцене, когда смерть овладевает телом, огонь снова востребован; его несут перед трупом ближайшие родственники, и в конце концов он превращает неживую форму в прах и пепел.

Форлонг говорит: "Огонь входит в каждый долг жизни индуса. Прежде чем принять утреннюю пищу, он произносит заклинания, обращенные к Агни, и предлагает ему порции этой пищи; точно так же, прежде чем надеть новую ткань или одежду, он должен взять несколько нитей или частей ее и предложить их тому же божеству".

"Именно из растирания древесины деревьев, в частности трех банийских смоковниц - Пипал, Бар и Гулер, любимых деревьев для фаллических изображений, - черпается священный огонь с небес, и перед всеми этими видами женщины вымаливают у Бога свои желания".

"Пещерные и огненные обряды еще не изжиты в Иерусалиме, да и вообще ни у одного народа на земле. Христиане все еще спешат за священным огнем в священную пещеру в день рождения Сола, а мужчины и женщины стремятся в тайных уголках пройти нагими через священный огонь."

"Сирийцы, как и все другие народы, связывали Змея с огнем. Так, у евреев были свои огненные алтари, на которых должно было постоянно гореть и никогда не гаснуть священное пламя; и они носили с собой змею на шесте как своего целителя. Так и автор Деяний апостолов говорит о христианском Святом Духе как о змееподобных "сплетенных языках огня", которые на полях ортодоксальных Библий очень правильно связываются с серафимами Исаяи".

Форлонг говорит: "Я начал изучать британские руины около восьми лет назад (с 1882 года), во время двухлетнего отпуска, привлеченный к этому сначала моим другом покойным сэром

Джеймсом Симпсоном - президентом Общества антикваров в Эдинбурге, который в то время много писал и дискутировал по этим вопросам; и тогда я пришел к тому же выводу, которого придерживаюсь и сегодня; а именно.: что руины Арморики, Стоунхенджа, Абери и других мест, известных в народе как "круги друидов", являются или изначально являлись фалло-пифическо-солярными святилищами, или местами, где в большей или меньшей степени процветали все первые пять элементарных верований; Первая (Дерево) очень мало, а последняя (Солнце) очень обильно; и если это так, то мы видим причину, почему европейские писатели так яростно отстаивают, одни Солнце, другие Огонь; одни, что это просто места для жертвоприношений или погребения, или для собрания правителей, кланов и т.д.; в то время как несколько писателей из глубинки намекают, что большие камни - это Лингамы, или просто группы таких камней, как Керлоаз - камень Ньютона, и т.д. Полковник Форбс Лесли в своей книге "Древние расы Шотландии" почти рассказал нам правду, его долгое пребывание и путешествия по Азии позволили ему почти пробить облако, хотя сначала он, кажется, не до конца оценил всегда очень тесную связь между верованиями Солнца, Огня, Змеи и Лингама, что, я полагаю, он делает сейчас."

"Европейский ум, утратив однажды прежние представления о значении этих слов и не имея перед собой таких объектов, как Солнце, Огонь и Змея, постоянно думает об этих видимых объектах, которые, как я могу почти сказать, истинный сиваит никогда не признает *как таковые*; Ибо в огне истинный фаллический поклонник видит не пламя, а в солнце - не далекую блестящую сферу, как мы знаем, стоящую отдельно, как бы в пространстве, и к которой мы все тяготеем; он видит просто источник плодородия, без которого Змей не имеет силы или страсти, и в отсутствие которого животный и растительный мир должен прекратить свое существование. Огонь здесь, таким образом, не тот, который видит или на котором готовит настоящий сиваит, а Горячий или *Святой Огонь*, или "Святой Дух", или огонь страсти, который в некоторой небольшой степени и в определенных символических формах и положениях он распознает в пламени, как в поднятом на башню, выходящем из обелиска, или поднимающемся в колонне или столбе над ковчегом, или тлеющем в тайном адитуме; Ибо первое производит на него впечатление аркитского, второе - фаллического и аркитского, а третье - чисто женского; во всех случаях он просто видит представительные мужские и женские энергии, возбуждаемые и плодоносящие Солнцем, Аполлоном или Солнцем-Змеем, как на его старой монете, где плодородие, питаемое огнем, питает раковину. В колонне, будь то дерево, камень или огонь, он видит камень Солнца, такой как Мудрос в Финикии, Миндир в Ирландии и обелиск в Египте; а в цисте, раковине или Акросе - матку, Йони или солнечный ящик; в общем, колонну или Палас и его Капут-олин".

"Прыжки или хождение через огонь, так часто упоминаемые в еврейских писаниях в связи с Молеком, все еще довольно распространены в менее цивилизованных частях Индии; обычно это делается во исполнение обета, связанного с желаемыми благословениями или с верой в то, что божество дарует их назариту или жертвователю. Мне известны случаи, когда через него проходили ради выздоровления от тяжелой болезни, а также ради успеха в экспедиции или проекте, к которому назарянин был сильно привязан".

Некоторые утверждают, что огонь нужно трогать, потому что Друпаци, мифическая жена Пандуса, сделала это после осквернения прикосновением Кичаки, и потому что Сита доказала свою чистоту с помощью огня. Там, где британское правительство может предотвратить этот обряд, в яму с огнем бросают цветы, что выглядит так, как будто огонь рассматривается как женская энергия. Обряд хождения вокруг огня обычно совершается путем выкапывания глубокой узкой ямы и наполнения ее дровами, а затем, когда пламя разгорается, прыгают через нее; обычно обряд начинается с хождения вокруг огня, сначала

медленно, затем все быстрее и быстрее, с периодическими прыжками в огонь и из него в диком возбуждении. Мистер Стокс, сотрудник гражданской службы Мадраса, так описывает этот обряд в том виде, в котором он официально стал известен в апреле 1873 года.

На ровном месте перед деревенским божеством, которым была Друпаци Ама (Мать Д.), была вырыта яма для костра размером 27 на 7½ футов и 9 дюймов глубиной, с востока и запада, и богиня расположилась в западном конце. Шесть деревьев бабула или акации (это жаростойкая древесина) были срезаны и брошены туда; тринадцать человек прошли через этот огонь, и один умер от последствий. Они шли друг за другом, одни с таборами, другие звонили в колокольчик, и каждый, пройдя через огонь, попадал в яму, наполненную водой, называемую "молочной ямой". Все они были одеты в поясную одежду, а их тела были намазаны сандалом. Тот, кто умирал, падал в огонь, и его приходилось вытаскивать. Костер зажигали в полдень, а "ходить по нему" начинали в два часа дня, когда он становился очень ярким и горячим. Пуджор, или священник храма, сказал, что ежегодное хождение через огонь - его обязанность, и что он делает это уже семь или восемь лет. Мать умершего поклялась, что если ее сын выздоровеет от приступа желтухи, то она пройдет через огонь, но старуха была слепа, и ее сын выполнил обет. Некоторые говорили, что сам покойник поклялся богине Друпаци: "Мать, если я выздоровею, я буду ступать на твой огонь". Смерть редко является результатом этой практики, но мистер Стокс добавляет, что несколько лет назад мать и ее младенец умерли от ее последствий.

"29 июня через огонь пришлось пропускать мужчин и даже младенцев. В эту ночь, - говорит доктор Моресин, - горцы бегали по горам и возвышенностям с зажженными факелами, как древние цицилийские женщины в поисках Прозерпины", а шотландские фермеры обходили свои кукурузные поля с горящими факелами, как это было принято на Цереалиях. В древнеримском календаре, среди прочего, говорится, что 23-го числа разжигают костры; "Мальчики одеваются в одежду девочек; ночью купаются в водоемах. Воду набирают в сосуды и развешивают для гадания; папоротник почитается вульгарными из-за семян...; девушки собирают чертополох и ставят на нем сто крестов", ибо разве у чертополоха нет шапочки, как у лотоса, и разве он не трилистник?

В книге "Англичанка в России", стр. 223, автор пишет, что "в канун середины лета в России до сих пор (1855 г.) среди низших классов существует обычай, который мог возникнуть только в очень отдаленной древности и, возможно, является пережитком поклонения Ваалу. Группа крестьянских женщин и девушек собирается в каком-нибудь уединенном безлюдном месте, разжигает большой костер, через который они последовательно прыгают. Если случайно кто-то из представителей другого пола окажется рядом с этим местом или увидит их во время совершения обряда, он рискует жизнью, так как женщины не побрезгуют принести его в жертву за его храбрость". Писателя заверили, что такие случаи были известны нередко. Таким образом, этот "танец огня" - очень серьезное дело, о котором при данных обстоятельствах мы можем узнать очень мало: судя по тому, что его тайно исполняют женщины, он явно связан с Агни, Творцом или Оплодотворителем. Наши предки были заядлыми огнепоклонниками, особенно во время четырех великих солнечных праздников. Они считали, что ни один скот не будет в безопасности, если его не пропустить через костры майского и летнего Бельтина, и ни один человек не потерпит бы в своем приходе пожара, который не был бы разожжен заново от Тин-Эгина, или священного огня, получаемого от трения".

Меды, несомненно, поклонялись огню, "как самому тонкому, бесплотному, непостижимому и могущественному агенту". Они были против всех храмов или олицетворений материальных вещей или Ормазда. Как и наши соплеменники парсы, они никогда не позволяли гасить

огонь в очаге и даже не задували обычный костер или свечу; во времена магов тот, кто делал это, лишался жизни".

"Мы до сих пор видим остатки - некоторые очень совершенные - одиноких огненных башен, которые греки называли *Пураитея*, среди возвышенных холмов Армении, Азербайджана, Коордистана и Лоористана. Некоторые из них были Дакмами, или "башнями молчания", с решетками на крыше, через которые падали кости, когда тело было разрушено. Бог огня назывался *Ам-Ар*".

Сабины, возможно, были более близки к нашим предкам, чем принято считать; по крайней мере, мы можем так полагать на основании того, что сабинский и гвельский языки имеют большее родство, чем валлийский и ирландский, а также на основании других доказательств. Доктор Литэм в своей работе "*Описательная этнология*" говорит, что "большая часть крови римлян была кельтской, как и большая часть латинского языка", а изучение передвижений древних народов покажет, насколько это так. Как и скифы, древние сабины были преданы поклонению сиваитам, в особенности символу Марса, Квирису или Копью, в честь которого мы до сих пор называем их величайший праздник Квириналия, а их гору Сион - Квиринал. Поклонение *Квирису* до сих пор не прекратилось ни в Северной Азии, ни, как я полагаю, в Америке. Он был замечен на вершинах всех скифских кострищ и курганов, которым поклонялись эти арийские отцы, и связан с большинством обрядов. Мы также видим его на многочисленных скульптурах, которые были найдены в руинах Скути, или Кельтов Ирландии и Шотландии - к большому недоумению местных антикваров. Хьюэ в своих "Путешествиях в Тартарию" сообщает нам, что эти фаллы существуют по всей огромной территории, которую он пересек, включая Северный Китай, Монголию и Тибет. Копья, однако, слишком ценны, чтобы оставлять их в "этих Обо", как он их называет, и поэтому "высушенные ветви деревьев" заменяются очень хорошей имитацией копий.

"У нас есть множество доказательств того, что древние христиане никогда не пренебрегали огнем ни на могиле, ни на алтаре. В письме из Рима мы находим, что перед *Cubiculum*, или квадратной гробницей мученика Корнелия, стоит короткий столб, поддерживающий вечно горящую лампу с маслом; и когда этот обычай неугасающего огня - как общий для всех вер - был возрожден в третьем веке нашей эры, мы читаем, что папы посылали королям и королевам несколько капель масла из этой лампы на гробнице Корнелия. (Не стоит удивляться этому, если учесть, что святилище Весты по-прежнему процветало и пользовалось папским вниманием, и что во всех уголках мира существовала вера в огонь. И по сей день никто не может пренебречь обрядами этой веры в Сирии - колыбели Бога, как это сделали бедный турецкий бей Антиохии и его сын, когда после землетрясения 3 апреля 1872 года они и их офицеры любезно, благоговейно и мудро похоронили христианских мертвецов, но без огненных символов и колокольного звона (которых они не понимали), чем сильно обидели могущественную секту Антиохии, называемую дусарами, которые, все еще явно поклоняясь Ваалу и Астароту, поднялись на бедных турок и поразили их в бедро и ляжку."

"В графстве Килдэр, Ирландия, "вечный огонь" хранился "святыми девами, называемыми *Ingheaw Andagha*, или дочерьми огня", вплоть до эпохи Реформации. Часто это были первые леди страны, и никогда - не иначе как представительницы прекрасного пола".

"У алтаря любой католической церкви нельзя попросить или получить благословение, пока не зажжены свечи. Если беременная женщина желает получить благословение христианской церкви, ей предписывается "ждать на коленях у дверей церкви с зажженной лампадой в руке", и ни один крест не может быть благословлен, пока три лампады не будут зажжены "человеком Божьим", поставленным у его основания". См. Пикарт II., 117, где он

приводит несколько графических изображений христианских обрядов фалло-солнечного огня.

"В книге Гудвина *"Гражданские и церковные обряды"* под заголовком *"Праздники искупления"*, который, как у нас есть основания полагать, в свое время был периодом человеческих жертвоприношений, описывается великий зимне-рождественский праздник Сатурналий, или Ювеналий, фестиваль огней и костров, когда не только храмы иудеев и христиан, но и каждый дом должен был быть тщательно освещен. Евреи учили, что огни нужно держать в левой руке, а держащий их должен "пройти между двумя заповедями", что, по-видимому, обозначает климатический или солнечный поворот года. Этот старый писатель говорит нам, что "зажигать светильники - удел женщин", и что "есть определенные молитвы, приуроченные к этому празднику, и среди прочих - *одна, восхваляющая Бога, который предписал зажечь светильники в торжественные дни*". Здесь мы видим близкое сходство между верой иудеев и исламистов, чьим женам предписывается лично следить за зажиганием домашних ламп в канун Венеры. Иерусалим, как мы знаем, признает бога Агни и по сей день, ежегодно возвещая, что священный огонь спускается с небес в определенное время в темную адыту святилища; Все старые огни должны быть потушены в это время, когда Соль обновляется, поэтому, когда священник выходит из адиты с новым огнем в руке (а христианские священники часто делали это, если не делают до сих пор), толпы всех оттенков и вероисповеданий устремляются к нему, зажигают свои светильники и уносят новый огонь в свои дома."

Ссылаясь на храм Весты, упомянутый Дэвисом, Форлонг говорит: "Итак, что же представлял собой этот храм Весты? По своим обрядам и обстановке, по своим обязанностям, социальным и политическим, он был одним из тех храмов, которые до сих пор существуют в Азии, посвященных фаллическому и огненному поклонению вместе взятым, или, возможно, я должен сказать, храмом только фаллического поклонения, но этот культ на заре светлых верований был несколько скрыт жрецами в самых темных недрах их храмов, и не был известен многим из поклоняющихся, и почти совсем не был известен европейским писателям даже средних веков. Однако любой студент, изучающий дельфийские предания и восточные путешествия, сразу же узнает в дельфийском оракуле и храме Весты, "Старой вере" и ее жрицах-поклонницах, хотя автор "Словаря древностей" Смита, похоже, этого не делает. Он описывает храм Весты просто как храм огня и говорит, что в нем было шесть весталок или девственниц-жриц, которые следили за вечным огнем, вечно пылавшим на алтаре богини. На Папу Римского снизошло имя их начальника как "Pontifex Maximus". Если по какой-то небрежности или несчастью огонь гас, Понтифекс Максим бичевал провинившуюся девственницу, ибо разве не она - женщина - позволила детородной энергии бога оставить человечество?"

"Доктор Джордж Петри, который в 1845 году все еще боролся, но уже без сил, с дохристианской идеей ирландских башен, признает признаки очень сильного и всепобеждающего поклонения огню в Ирландии. Он видит в Бэле или Бил-тене - "благодатном огне", в котором Бэл, солнце в Ирландии, как в древности в Вавилоне, был великим очистителем. Друзиды, по его словам, поклонялись перед двумя кострами и заставляли скот ходить между ними, чтобы уберечься от зла. Даже в Дублине до сих пор горят майские костры и костры в канун дня Святого Иоанна; а старая рукопись Тринити-колледжа сообщает нам, что "Бел был именем идола, на празднике которого (Bel-tine) выставлялась пара всего скота, как находящегося в его владении", что, как я полагаю, означает "закрепленный его лучами". В Шотландии этот праздник назывался Эгин-Тин, в

котором мы можем узнать Агина, Аг, или Агни-огонь, и бога огня всей Азии. На острове Скай - говорит доктор Мартин, цитируемый Петри, стр. xxxviii - Эгин-Тин был принудительным или вынужденным огнем, который излечивал чуму и рожу среди скота. Все пожары в приходе были потушены, и восемьдесят один женатый мужчина (кратное мистическому числу девять), считавшийся необходимым числом для осуществления этого замысла, взял две большие доски дерева, и девять из них были заняты по очереди, которые, повторяя свои усилия, терли одну из досок о другую, пока от их тепла не возник огонь, и от этого принудительного огня каждая семья получала новый огонь.

Это настоящий "огонь, падающий с неба", и он по-прежнему должен добываться в храмах всех огнепоклоннических рас, а также в очагах гебров и парсов, как это было на этом далеком острове Скай.

"Теперь я должен сделать несколько общих замечаний по поводу отмеченного фалло-огненного поклонения греков и римлян, которое слишком часто называют "поклонением огню и предкам", не понимая, что предка стали почитать и поклоняться только как *генератору*, а также змее, как его символу.

"Знаки" или нишаны порождающих родителей, то есть Ларов и Пенатов, помещались в семейные ниши рядом со священным пламенем - "горячим воздухом", "святым духом" или "дыханием" - активной силой еврейского БРА и египетского П'та - породителя небес и земли, перед которыми невежественные и суеверные расы молились и преклоняли колена, как и в наши дни перед очень похожими символами.

"Греки и римляне следили за своими кострами так же, как и наши парсы или зороастрийцы. Мужчины семьи должны были следить за тем, чтобы священное пламя никогда не гасло, но в отсутствие главы, да и практически в любое время, эта священная обязанность ложилась на матрону дома. Каждый вечер священный огонь тщательно засыпали пеплом, чтобы он не погас по недосмотру, а спокойно тлел дальше, а рано утром пепел убирали, когда он становился ярче и ему поклонялись. В марте или ранней весной ему давали угаснуть, но не раньше, чем от лучей Сола зажигали новогодний огонь и помещали его в святилище. Ни один нечистый предмет не мог приблизиться к Агни; никто не мог даже греться возле него; в его присутствии нельзя было совершать никаких неблагоприятных поступков. К нему обращались только для поклонения или молитвы; не как к огню, которым он не был, а как к *сексуальному пламени или жизни*. К нему обращались с молитвами, подобными тем, что используют христиане; и для большинства он занимал такую же посредническую должность, как и Христос. Через него обращались к Всевышнему, просили здоровья, счастья, мудрости и прозорливости, руководства в процветании и утешения в невзгодах, долгой жизни, потомства и всех мужских и женских качеств. Его последователей учили, что обращаться к нему с нечистым сердцем или руками - самый страшный грех, и призывали всегда приходить к нему за покаянием и освящением.

"Прежде чем покинуть дом, нужно было помолиться священному огню, а вернувшись, отец должен это сделать, даже прежде чем обнять жену и детей. Так поступил Агамемнон, как нам рассказывают, по возвращении из Трои. Огню регулярно приносились жертвы, возлияния, вино, масло и жертвы, и когда бог сиял под маслами, все ликовали и падали перед ним ниц. Они верили, что он ест и пьет, и с большим основанием, чем евреи говорят это о своих Иегове и Эль-Шадае. Прежде всего, необходимо было предлагать ему еду и вино, просить благословения перед каждой трапезой и благодарить, когда она заканчивалась. Из Овидия и Горация мы видим, что считалось благочестивым и правильным трапезничать в присутствии священного огня и делать ему подношения. Между римлянами, греками и индусами в этом

отношении не было никаких различий, разве что вино из сомы в Индии заменяло виноград из более холодных стран. Все одинаково горячо молили Агни об увеличении стад и семей, о счастливой жизни и безмятежной старости, о мудрости и прощении грехов. О древности этой веры говорит тот известный факт, что даже когда первые греки приносили жертвы Зевсу и Афине в Олимпии, они всегда сначала обращались к Агни, точно так, как было предписано в Ведах за 2000 лет до н.э., и, вероятно, так, как к нему обращались за много тысяч лет до того, как стало известно искусство письма."

ГЛАВА VI.

Поклонение огню в государствах Средиземноморья - Особая святость общественного города-огня Греции и Рима - Священный огонь Тлахтга - Поклонение огню на Цейлоне - Парсы - Персидские памятники - Величие Камбиса - Цингальские термины, санскрит, валлийский язык и т. д. - Йоль-лог - Поклонение огню в Англии - Огонь Бельмана - Друидические костры - Костры майского дня - Ноябрьские костры в Ирландии - Между двумя кострами - Шотландия - Летнее солнцестояние и огненные церемонии - Поклонение Баалу в Ирландии - День Святого Иоанна - Костры - Декрет Константинопольского совета.

"Во всех государствах Средиземноморья и Персии, как и в Индии, существовали формы крещения, связанные с огнем. У греков и римлян церемония крещения происходила между девятым и двенадцатым днем от рождения и обычно начиналась с того, что женщины хватали младенца и бегали вокруг него, или бросали его в огонь вместе с ним. Так же и при заключении брака, огонь был активным и "богом завета". Вера невесты не принималась во внимание; выйти замуж означало принять религию мужа, быть ему *in filiæ loco* и полностью порвать с собственной семьей; более того, долгое время брак заключался с демонстрацией насилия, как бы для того, чтобы показать разрыв. Это, конечно, напоминает ранние времена, когда мужчины таким образом получали своих жен. Главной частью брачной церемонии было привести невесту к очагу мужа, помазать ее святой водой и заставить прикоснуться к священному огню, после чего она преломляла хлеб или ела с ним пирог. Огонь также был богом, который наблюдал за разрывом между мужем и женой, что, если у них было потомство, было редким и трудным актом; но если пара была бездетной, развод был простым делом".

"Ни в Греции, ни в Риме никто из посторонних не смел появляться перед городским огнем: один только вид человека, чуждого культу, осквернял священное действо и нарушал покровительство. Само имя чужаков было *hostis*, или враг богов. Когда римскому понтифику приходилось приносить жертву на открытом воздухе, он закрывал лицо, чтобы случайный взгляд чужака мог таким образом искупить вину перед богами, которые, как предполагалось, так сильно не любили чужеземцев, что самые трудоемкие церемонии проводились, если кто-то из них проходил рядом, не говоря уже о том, что касался любого священного предмета. Каждый священный огонь должен был быть заново зажжен, если в храм входил чужак; так и в

Индии каждое священное место должно быть тщательно очищено, если иностранец (пусть даже правитель и высокочтимый) проходит слишком близко к индуистской святыне. Я видел, как правительственные слуги при мне и сипаи, которые не хотели проявлять неуважение, выбрасывали всю дневную еду и раскапывали маленькие очаги, которые они готовили перед приготовлением и употреблением пищи, потому что, по случайности или недосмотру, моя тень прошла над ними; хотя иногда, если не было посторонних, эта крайняя мера не выполнялась, отчасти из уважения ко мне".

Доктор Китинг в своей "Истории Ирландии" рассказывает о королевской резиденции Тлахтга, где было предписано разжигать огонь Тлахтга. Он сказал:- "Этот священный огонь использовался для того, чтобы призвать жрецов, авгуров и друидов Ирландии отправиться туда и собраться в канун дня Всех Святых, чтобы сжечь жертвы, принесенные их языческим богам; и было установлено под страхом большого штрафа, что никакой другой огонь не должен быть разожжен в эту ночь по всему королевству; Так что огонь, который должен был использоваться в стране, должен был быть получен от этого священного огня; за эту привилегию люди должны были платить *скрабалл*, который составляет три пенса каждый год в качестве благодарности королю Мюнстера, потому что дворец Тлахтга, где горел этот огонь, был частью, взятой из провинции Мюнстер и присоединенной к стране Мит.

"Второй королевский дворец, который был возведен, находился в доле, взятой из провинции Конахт, и здесь собирался общий собор всех жителей королевства, которые были в состоянии явиться, который назывался собором Виснеаха и проводился в первый день мая, где они приносили жертвы главному божеству острова, которого они почитали под именем Беул. По этому случаю на каждой территории королевства разжигали два костра в честь этого языческого бога. В это время проводилась торжественная церемония, когда между этими кострами загоняли несколько голов скота всех видов; это считалось противоядием и предохранением от рожи или любой другой чумы среди скота на весь последующий год; и от этих костров, разжигаемых в честь бога Беула, день, в который отмечается христианский праздник святого Филиппа и святого Якова, называется на ирландском языке Beul-tinne. Происхождение этого слова таково: La на ирландском означает день, Beul - имя языческого божества, а Teinne - то же самое, что огонь на английском, и эти слова, произносимые вместе, звучат как La Beultinne".

Лесли в своей работе "Ранние расы Шотландии" пишет: "От Дондера-Хед на Цейлоне до Гималайских гор, от границ Китая до пределов Западной Европы и ее островов мы находим явные свидетельства былого распространения самой ранней формы ложного поклонения, а именно: поклонение свету, солнцу и "всему воинству небесному". В раджпутском штате Марвар, в его столице Удаяюре, "Городе восходящего солнца!", до сих пор сохраняется главенство Сурьи, бога солнца. На священном штандарте страны изображен его образ, а раджа, утверждающий, что он его потомок, выступает в качестве его представителя."

"В сложной форме парсы Британской Индии все еще сохраняют то поклонение свету, символизируемому солнцем и огнем, за которое они стали изгнанниками, когда их вера была запрещена на земле их предков."

Лесли цитирует различных авторов и путешественников, которые лично наблюдали остатки многих из этих алтарей. "Шарден, - говорит он, - в своих путешествиях по Медине в конце семнадцатого века описывает круги из больших камней, которые, должно быть, были принесены на расстояние шести лиг к месту, где он их наблюдал. Традиция относительно этих кругов заключалась в том, что там проводились советы, причем каждый член собрания сидел на отдельном камне"[23].

В персидской провинции Фарс сэр Уильям Оусли заметил монолит высотой десять или двенадцать футов, окруженный оградой из камней. Эта грубая колонна имела полость на вершине. Подобные случаи - монолиты с полостью в верхней части - встречаются и среди первобытных памятников Шотландии. В Кинкардиншире, в Аучинкорт, было пять кругов из камней. На вершине одного из камней, стоявшего на восточной стороне самого большого круга, было углубление глубиной в три дюйма, по дну которого и по бокам камня был прорублен канал. Еще один камень из этой группы имел аналогичное углубление и канал. Можно привести и другие примеры подобных искусственных полостей в древних британских памятниках... (Gibson's Camden, vol. ii., p. 291.) Тот же путешественник заметил несколько старых деревьев, росших возле этой колонны, которые, по его мнению, были остатками освященной рощи. Одно из деревьев было густо увешано тряпками - подношениями жителей этой страны. Деревья с таким убранством можно часто встретить в Декхане и других частях Индии, а не так давно их можно было увидеть во многих местах Британии. Монолит, описанный таким образом и примыкающий к роще, назывался выражением, эквивалентным "Камню храма огня". Из Геродота мы знаем, что древние персы, как и их изгнанные потомки парсы, поклонялись солнцу и огню, и таинственные обряды языческих жителей Британии, должно быть, очень напоминали персидские, и это сходство побудило Плиния заметить, что Британия культивирует магию с церемониями столь величественными, что можно предположить, что это искусство было впервые передано от них народу Персии.

Обращаясь к Геродоту, как и предполагалось, говоря о приказе Камбиза сжечь труп Амасиса, после того как его люди не смогли разорвать его на части из-за того, что он был забальзамирован, историк говорит: "Это было поистине нечестивое повеление, поскольку персы считают огонь богом и никогда ни в коем случае не сжигают своих мертвых. Действительно, эта практика незаконна как у них, так и у египтян - у них по вышеупомянутой причине, поскольку они считают неправильным отдавать труп человека богу; а у египтян - потому что они считают огонь живым животным, которое питается всем, что может захватить, а затем, пресытившись пищей, умирает вместе с веществом, которым питается"[24].

Лесли говорит: "В качестве прелюдии к описанию обрядов поклонения, общих для ранних жителей Индийского полуострова и кельтского населения Галлии и Британии, важно обратиться к однокоренным выражениям, которые они использовали для обозначения объекта своего поклонения. По-цингальски *Ja*, *Jwala* означает свет, блеск, пламя; *Jwalana* - свет; также *Agni*, или олицетворенный и обожествленный огонь. Элия также означает свет; в валлийском языке *Lleuer* и *Lleuad* - луна; в гэльском - *Eibhle* - все, что горит. В санскрите *Jwala* означает свет, пламя; в корнуэльском - *Gwawl*; в валлийском - *Goleu*; в армориканском - *Goleu*. В гэльском языке *Geal* и *Eallaidhe* - белый; *Soillse* - свет, солнечный свет; *Suil* - глаз. В цингальском языке *Haili* и *Hel*, а в санскрите *Heli* или *Helis* - солнце. В валлийском языке это *Haul*, произносится как *Hail*; в армориканском - *Haul* и *Heol*; в корнуэльском - *Houl* и *Heul*. Великий праздник языческой Британии - Йеул - отмечался в тот период года, когда солнце, удалившись от земли на наибольшее расстояние, начинало свое возвращение, чтобы восстановить тепло и оживить природу. Хотя Рождество вытеснило языческий праздник, не только древнее название *Yeul*, но и многие обычаи, явно связанные с языческими обрядами, еще не вышли из употребления в Южной Британии; а в Шотландии, по крайней мере в более отдаленных частях и в сельскохозяйственных районах, *Yeul* все еще является общеупотребительным словом для обозначения дня Рождества."

Хоун в своей "Книге на каждый день", том I, стр. 204, пишет: "Праздник Йеул и бревно Йеул можно четко проследить до их первоначального источника. Сияние огней и разжигание большого йольского полена в канун Рождества частью йольского клейма предыдущего года -

это такая же языческая церемония и тот же объект поклонения, как и костры в канун Среднего лета. Что касается праздника, то в сравнительно недавние времена гренландцы устраивали праздник солнца во время зимнего солнцестояния, чтобы порадоваться соединению возвращающегося света и тепла."

"От Teinidh и Tein, ирландского и гэльского, означающих огонь, вероятно, происходит устаревшее английское слово "to teend". Геррих, говоря о рождественской марке, говорит, что нужно хранить часть, с помощью которой можно зажечь рождественский огонь к следующему году".

Свидетельства того, что в Англии в разное время существовало поклонение огню, можно найти в *Исповеди* Экгберта, архиепископа Йоркского (VIII век), и Покаянии Теодора, архиепископа Кентерберийского (VII век), и то, что это включало поклонение свету солнца и луны, кажется вероятным на основании запрета на практику пропускания детей через огонь, распространяющегося на практику выставления их на крышах домов для пользы их здоровья.

Лесли замечает, что любопытно сравнить эти ограничения и наказания, налагаемые английскими церковными властями, с обличением тех же языческих обычаев пророком Зефанией (гл. I, 4, 5): "Я отсеку остаток Ваала и тех, кто поклоняется воинству небесному на верхушках домов".

Аллюзия на костер в канун Середины лета в Хоне напоминает нам о шотландском "огне Бэла" или Бельтане, празднике, который обычно отмечается в майский день по старому стилю. Лесли говорит, что в других кельтских странах Западной Европы то же выражение, с небольшими вариациями в звучании, также использовалось для обозначения великого языческого праздника, который проводился в начале мая. Далее он говорит: "Beltane также используется для обозначения костров, которые разжигались в честь Бэла в этот и другие дни, связанные с его поклонением, например, в канун Середины лета, впоследствии названный бдением святого Иоанна, на All-Hallowe'en и на Yeule, который сейчас является Рождеством". Из церемоний, проводимых на Белтане и продолжающихся почти до наших дней, самыми примечательными и общими были костры, зажигаемые в честь Бэла".

"Разжигание костров на Белтане, на холмах и видных местах в равнинных районах, было настолько всеобщим в Шотландии, а также в Ирландии и Корнуолле, что нет необходимости обращаться к записям для доказательства событий, которые все еще можно наблюдать в этом 1865 году.

"В надписи на римском алтаре, найденном в Инвереске, Аполлон соединен с эпитетом, имеющим значительное сходство с именем солнца на гэльском языке. Начало надписи - Apollini-Granno. Гриан или Грейне - это солнце на гэльском, а Грианах - "солнечный". Это сходство также следует отметить, поскольку эпитеты, не похожие по звучанию, но идентичные по значению, используются для Аполлона или солнца классическими авторами и шотландскими кельтами, как Груагач, светловолосый. Замки под названием Грианан или Гринхэм, "дом солнца", где люди поклонялись солнцу, встречаются повсюду. На камни Груагач возливали молоко. Один священнослужитель с Западных островов рассказывает, что около века назад (это было в 1774 году) Груагач стал отцом ребенка в Шулисте, недалеко от Дунтулма, резиденции М'Дональда. Груагач, солнце, был представлен некоторыми грубыми камнями большого размера. На острове Бернера, в приходе Харриса, круг, очерченный длинными остроконечными камнями, имеет в центре камень в форме перевернутой пирамиды, называемый Клах-на-Грейн, "камень солнца"."

Толанд в своей "Истории друидов" собрал воедино множество важных сведений об обычаях огня в различных частях Англии, Ирландии, Шотландии, Уэльса и на прилегающих островах. Он говорит о карнах (cairns) или грудах камней, которые можно найти на вершинах гор и других возвышенностях в различных местностях, и, упомянув о том, что со временем они служили маяками, будучи удобно расположенными для этой цели, говорит: "Изначально они были предназначены для костров другой природы. Дело обстояло так. В канун мая друиды разводили на этих кострах огромные костры, которые, будучи у всех на виду, не могли не представлять собой великолепное зрелище для целого народа. Эти костры возжигались в честь Беала или Беалана, латинизированного римскими авторами в Belenus, под которым галлы и их колонии понимали солнце: поэтому и по сей день первый день мая коренные ирландцы называют La Bealteine, или день огня Белена."

"Майский день также называется La Bealteine у горцев Шотландии, которые не являются презренной частью кельтского потомства. Так же обстоит дело и на острове Мэн; а в Арморике священник до сих пор называется Белек, или Слуга Бэла, а священство - Белегийет". Два таких костра, о которых мы упоминали, зажигались друг за другом в канун мая в каждой деревне народа (как и во всей Галлии, так и в Британии, Ирландии и на прилегающих малых островах), между которыми должны были проходить люди и звери, приносимые в жертву; откуда и пошла пословица *"Между двумя кострами Бела"*, означающая человека, попавшего в затруднительное положение и не знающего, как выбраться. Один из костров находился на карне, другой - на земле. Накануне первого дня ноября также разжигались подобные костры, сопровождавшиеся (как это постоянно бывало) жертвоприношениями и пиршествами. Эти ноябрьские костры назывались в Ирландии Tine tlach'd gha, от tlach'd-gha, места, названного так в Мите, где архидруид королевства разводил свой костер в указанный канун; и за этот участок земли, поскольку он первоначально принадлежал Мюнстеру, но был назначен верховным монархом для этого использования, королю этой провинции ежегодно выплачивалась благодарность (называемая sgreadoll).

"В вышеупомянутый канун все жители страны, по религиозным убеждениям, внушенным им друидами, тушили свои костры так же полностью, как евреи выметают свои дома в ночь перед праздником опресноков. Затем каждый хозяин семьи был религиозно обязан взять часть освященного огня домой и заново разжечь огонь в своем доме, который на ближайший год должен был стать удачливым и благополучным. Однако он должен был заплатить за свое будущее счастье независимо от того, окажется ли это событие благоприятным или нет; и если после этого его дом сгорит, он должен считать это наказанием за какой-то новый грех или приписать это чему-либо, а не недостатку добродетели в освящении огня или обоснованности благословения друида, который, поскольку служил на карнах, также назывался Каирнех, имя, которое продолжало означать священника даже в христианские времена. Но если кто-либо не рассчитался с друидами за взносы за прошлый год, он не должен был получить ни искры этого священного огня из карнов, и никто из его соседей не должен был позволять ему пользоваться их услугами под страхом отлучения, которое, по мнению друидов, было хуже смерти. Поэтому, если он хотел варить, или печь, или жарить, или варить, или согревать себя и семью, словом, если он хотел пережить зиму, друидские подати должны были быть уплачены до последнего октября, так что одна эта уловка была более действенной, чем все законы парламента, принятые для обеспечения податей наших нынешних священнослужителей.

"Что касается поклонения огню, которое (кстати) преобладает во всем мире, то кельтские народы разжигают в канун Середины лета другие костры, которые до сих пор сохраняются у римских католиков Ирландии; они разводят их на всех своих участках и носят горящие марки

по своим кукурузным полям. Подобным образом они поступают по всей Франции и на некоторых шотландских островах. Эти костры и жертвоприношения в середине лета совершались для того, чтобы получить благословение на плоды земли, готовые к сбору, как, например, костры первого мая - чтобы они благополучно росли, а костры последнего октября - чтобы поблагодарить за завершение сбора урожая. Но во всех них также учитывались различные степени увеличения и уменьшения тепла солнечных лучей".

Что касается пословицы "Между двумя кострами Бэла", мистер Хаддлстон в своем новом издании Толанда (1814) добавляет примечание, в котором говорит: "Как сообщает мистер Толанд в своем примечании на к этому отрывку, ирландская фраза - *Ittir dha theine Bheil*; доктор Смит также дал нам шотландскую фразу - *Gabha Bheil*, т.е. опасность Бэла. Оба сходятся во мнении, что эти выражения обозначают человека, находящегося в самой неминуемой опасности. Мистер Толанд утверждает, что люди и звери, которых приносили в жертву, проходили между двумя кострами, отсюда и возникла пословица. Доктор Смит, напротив, считает, что это было одно из друидических испытаний, на которых судили преступников; и вместо того, чтобы заставлять их проходить между кострами, он заставлял их идти прямо через них. Он полагает, что друиды были достаточно добры, чтобы помазать ноги преступников и сделать их неуязвимыми для пламени. Если бы это было так, то не было бы ни опасности, ни испытаний. Можно также заметить, что если бы гипотеза доктора была обоснованной, то не было бы повода для двух костров, тогда как из фразы "*между двумя кострами Бэла*" мы знаем, что их было два. Доктор Смит, очевидно, спутал Габха-Бхейл с подвигом, который совершали хирпины на горе Соракт".

Похоже, что выражение, используемое шотландцами для обозначения человека, оказавшегося в затруднительном положении: "Он находится между двумя кострами Бэла", было достаточно распространенным, чтобы привлечь внимание других авторов, кроме тех, которых мы процитировали, и большинства путешественников по Горным горам. Мартин упоминает его в своих "Западных островах", а также Шоу и преподобный Д. М'Куин. Последнего цитирует Лесли как гэльского ученого прошлого века, который в отношении выражения "Он между двумя кострами Белтейна" дает объяснение, что кельтские племена в своих священных местах приносили жертвы, обычно лошадей, которые сжигались между двумя большими кострами, и Лесли добавляет: "По этому поводу можно заметить, что лошади приносились в жертву солнцу арийской расой с древнейших времен; и это продолжали практиковать индусы, персы и другие народы. В Британии, вероятно, наши языческие предки приносили лошадей в жертву и, несомненно, ели их".

Великолепный "Этимологический словарь шотландского языка" Джеймисона снабжает нас ценной информацией по обсуждаемому нами вопросу, почерпнутой из различных надежных источников. В разделе "Белтане, Белтейн, название своеобразного праздника, отмечаемого в первый день мая по старому стилю" мы имеем: "Город в Пертшире, на границе Горной Шории, называется *Тилли* (или *Тулли*) *Белтане*, то есть возвышенность или место возвышения огня Ваала. Поблизости находится друидический храм из восьми вертикальных камней, где, как предполагается, и был разожжен огонь. На некотором расстоянии от него находится еще один такой же храм, но меньшего размера, а рядом с ним - колодец, который до сих пор пользуется большим почитанием. Утром на Бельтайн суеверные люди идут к этому колодцу и пьют из него; затем они совершают процессию вокруг него, как мне сообщили, девять раз. После этого они таким же образом обходят храм. Это языческое суеверие так глубоко укоренилось в умах многих, считающих себя добрыми протестантами, что они не пренебрегают этими обрядами, даже когда Бельтайн выпадает на субботу".

Цитируя П. Лаудона, Statist. Acc. iii., 105, писатель продолжает: "На западе Шотландии до сих пор сохраняется обычай [среди стад и молодежи] разжигать костры на возвышенных местах в честь Бельтана. *Бельтан*, что на гэльском означает "*огонь Баала*" или "*огонь Бэла*", издревле был временем этого торжества. Теперь он отмечается в день святого Петра".

Здесь мы можем обратиться к "Путешествию по Шотландии" мистера Пеннанта, чтобы узнать следующие интересные подробности. "Первого мая пастухи каждой деревни проводят свой Белтейн, сельское жертвоприношение. Они выкапывают на земле квадратную траншею, оставляя посередине дерн; на ней разводят дрова, на которых готовят большую кадушку из яиц, масла, овсянки и молока; кроме ингредиентов кадушки, приносят много пива и виски, ибо каждый из компании должен что-то внести. Обряд начинается с того, что на землю выливают немного каудля в качестве возлияния: после этого каждый берет лепешку из овсянки, на которой возвышаются девять квадратных ручек, каждая из которых посвящена какому-то определенному существу, предполагаемому хранителю их стад и отар, или какому-то определенному животному, действительно их уничтожающему: Каждый человек поворачивается лицом к огню, отламывает ручку и, бросая ее через плечо, говорит: "*Это я даю тебе, сохрани моих лошадей; это - тебе, сохрани моих овец*; и так далее". После этого они применяют ту же церемонию к вредным животным: "*Это я даю тебе, о Лиса! Пощади моих ягнят; это тебе, о Ворон в капюшоне; это тебе, о Орел!*"[25].

Далее тот же путешественник пишет: "Белтейн, или сельское жертвоприношение первого мая по старому стилю, уже упоминался. Канун Хэллоуеи также считается священным: как только стемнеет, человек поджигает куст веника, закрепленный на шесте, и в сопровождении толпы оббегает деревню. Затем он сбрасывает его вниз, набирает в него большое количество горючих веществ и разводит большой костер. Таким образом, одновременно освещается целая местность, что создает прекрасное зрелище. Ношение огненного столба, по-видимому, является пережитком друидизма"[26].

В "Статистическом отчете Шотландии, приход Калландер, Перты" приводится несколько важных и интересных фактов, связанных с этим. "У жителей этого округа есть два обычая, которые быстро изживают себя не только здесь, но и во всем Нагорье, и поэтому их следует принять к сведению, пока они сохранились. В первый день мая, который называется *Белтау* или *Балтейн-день*, все мальчики в поселке или деревне собираются на болотах. Они накрывают на зеленом дерне круглый стол, вырывая в земле траншею такой окружности, чтобы поместилась вся компания. Они разжигают огонь и готовят блюдо из яиц и молока в консистенции заварного крема. Из овсянки замешивают лепешку, которую поджаривают на углях на камне. После того как заварной крем съеден, пирог делят на столько порций, как можно более похожих друг на друга по размеру и форме, сколько человек в компании. Одну из этих порций мажут углем, пока она не станет совершенно черной. Все кусочки пирога складывают в чепец. Каждый, завязав глаза, вытягивает свою порцию. Тот, кто держит чепец, имеет право на последний кусочек. Тот, кто вытянет черный кусок, - это посвященный, который должен быть принесен в жертву Ваалу, чьей благосклонности они хотят попросить, чтобы год был урожайным на пропитание людей и зверей. Мало сомнений в том, что эти бесчеловечные жертвы когда-то приносились и в этой стране, и на востоке, хотя теперь они не связаны с актом жертвоприношения, а лишь заставляют посвященного трижды прыгать через пламя; этим церемонии этого праздника и завершаются".

Снова ссылаясь на Джеймисона, он говорит: "Уважение, которое древние бритты оказывали Белусу, или Белинусу, очевидно из имен некоторых их королей. Как у вавилонян были свои

Белетис или *Белибус*, *Puge-Белус*, *Меродох-Баладан* и *Белшаззар*; у тирийцев - *Ич-баалс* и *Балатор*, так и у бриттов были свои *Касси-белин* и *Куно-белин*.

"Гэльское и ирландское слово *Beal-tine* или *Beil-teine* означает *огонь Белуса*; оно состоит из *Baal* или *Belis*, одного из имен солнца в Галлии, и *tein*, означающего огонь. Даже в Ангусе искра огня называется *tein* или *teind*".

В книге Мартина "Западные острова" есть аналогичное свидетельство: "Другим богом бриттов был Белус или Белинус, который, по-видимому, был ассирийским богом Белом или Белусом; вероятно, от этого языческого божества происходит шотландский термин "белтин", получивший свое начало от обычая, практиковавшегося друидами на островах, гасить все костры в приходе, пока не будут выплачены титы; а после их выплаты костры разжигались в каждой семье, и никогда до этого момента. В те времена преступников сжигали между двумя кострами; поэтому, когда говорят о человеке, попавшем в тяжелое положение, говорят: "Он находится между двумя кострами Бэла", что на их языке выражается так: "Эдир да хин Веол или Бэл".

Было замечено, что языческие обряды праздника кануна Середины лета, летнего солнцестояния, можно рассматривать как аналог тех, что используются во время зимнего солнцестояния Йоль-тайд. "Есть одна вещь, - говорит Бранд, - которая, кажется, доказывает это вне всяких сомнений. В старых рунических фасциях для обозначения праздника Рождества использовалось колесо. Так, Дюрандус, рассказывая об обрядах праздника св. Иоанна Крестителя, сообщает нам об этом любопытном обстоятельстве, что в некоторых местах катят колесо в знак того, что Солнце, занимающее в то время самое высокое место в Зодиаке, начинает спускаться; а в дополненном рассказе Наогеоргия мы читаем, что это колесо было поднято на вершину горы и скатилось оттуда вниз; и что, поскольку оно было предварительно покрыто соломой, скручено вокруг нее и подожжено, на расстоянии казалось, будто солнце падает с неба. И далее он замечает, что люди воображают, будто все их несчастья уходят от них вместе с этим колесом".

"Прыжки через костры упоминаются среди суеверных обрядов, используемых на Палилии в "Фастах" Овидия. Палилии были праздниками, учрежденными в честь Палеса, богини пастухов (хотя Варро делает Палеса мужского рода), в календы мая. Чтобы отогнать волков от пастбищ и от скота, пастухи в этот день разжигали на своих полях несколько куч соломы, через которые они перепрыгивали".

"Борн рассказывает, что в его время на севере Англии, в основном в деревнях, было принято, чтобы старые и молодые люди собирались вместе и веселились у большого костра, который разводили для этой цели на открытой улице. Этот костер, из каких бы материалов он ни состоял, назывался "костяным". Над этим костром и около него они часто прыгают и играют в различные игры, такие как бег, борьба, танцы и т. д.; это, однако, обычно ограничивается молодыми людьми, так как старые, по большей части, сидят в качестве зрителей и развлекаются за своей бутылкой, которую они не покидают до полуночи, а иногда и до петухов на следующее утро".

Корреспондент журнала *Gentleman's Magazine* за февраль 1795 года, пишущий из Ская, сообщает нам: "Любопытный факт, касающийся поклонения Ваалу в Ирландии. Ирландцы всегда поклонялись огню и Баалу, и по сей день поклоняются. Главный праздник в честь солнца и огня приходится на двадцать первое июня, когда солнце достигает летнего солнцестояния или, скорее, начинает свое ретроградное движение. Летом 1782 года мне посчастливилось удовлетворить свое любопытство, увидев эту церемонию на очень большой территории страны. В доме, где меня принимали, мне сказали, что в полночь мы увидим

самое необычное зрелище в Ирландии - зажигание костров в честь Солнца. Соответственно, ровно в полночь костры начали появляться; и, воспользовавшись преимуществом подняться на крышу дома, откуда открывался широкий вид, я увидел в радиусе тридцати миль вокруг себя костры, горящие на каждой возвышенности, которую могла предложить страна. Я получил еще большее удовлетворение, узнав от несомненных авторитетов, что люди танцевали вокруг костров, а в конце проходили через эти костры и заставляли своих сыновей и дочерей вместе с их скотом проходить через огонь; все это происходило с религиозной торжественностью". Этот рассказ чрезвычайно любопытен, и хотя я воздерживаюсь от упоминания имен, могу смело заверить вас, что он подлинный".

Замечания Борласа в его "Древностях Корнуолла" приходятся здесь как нельзя кстати. Он говорит: "О кострах, которые мы разжигаем во многих частях Англии в определенное время года, мы не знаем точно их возникновения, причины или повода, но, вероятно, их можно отнести к реликтам суеверных костров друидов. В Корнуолле праздничные костры, называемые кострами, разжигаются в канун дня святого Иоанна Крестителя и дня святого Петра; а середина лета на корнуоллском языке называется "голнан", что означает и свет, и ликование. На этих кострах корнуольцы присутствуют с зажженными факелами, смоляными и смоляными на конце, и совершают обход вокруг своих костров, и ходят от деревни к деревне, неся свои факелы перед собой, и это, конечно, остатки суеверия друидов, поскольку "*faces præferre*", то есть нести зажженные факелы, считалось своего рода джентилизмом, и как таковой он был особенно запрещен Галльскими советами. В глазах закона они были "*accensores facularum*", считались жертвой дьяволу и заслуживали смертной казни".

Бранд упоминает несколько дополнительных сведений, которые мы приводим здесь.

В "Демонологии" Торребланки есть отрывок, в котором он рассказывает, как древние имели обыкновение пропускать своих детей обоих полов через огонь, чтобы обеспечить им благополучный и удачный жребий, и добавляет, что немцы подражали этому профаническому обычаю в своих летних кострах в честь годовщины Дня святого Иоанна.

"Морезин, по-видимому, придерживался мнения, что обычай прыгать через костры - это пережиток испытаний, когда умение безопасно проходить через огонь считалось признаком невиновности. Чтобы усилить вероятность этой догадки, заметим, что прыгать через них любили не только молодые и энергичные, но даже люди с серьезным характером, и существовал запрет церковных властей, чтобы удерживать священнослужителей от этого суеверного проявления ловкости. В примечании внизу страницы говорится, что мистер Бранд видел у Дусе французскую гравюру под названием "*L'este le Feu de la St. Jean*", выполненную рукой Мариетта. В центре был изображен костер из дров, сложенных очень регулярно, и дерево, воткнутое в его середину. Юноши и девушки были представлены на сайте, танцующими вокруг него рука об руку. В их шляпы и шапки были воткнуты травы, а гирлянды из них окружали их талии или были наброшены на плечи.

В "Трактате о суевериях" мы читаем: "Тот, кто хочет узнать цвет волос своей будущей жены, должен трижды обойти вокруг костра Святого Иоанна, а когда огонь наполовину погаснет, он должен взять марку, дать ей погаснуть, а затем положить ее под подушку, и на следующее утро он обнаружит вокруг нее нити волос нужного цвета". Но делать это нужно с закрытыми глазами. Далее нам говорят, что если в доме есть вдова или замужняя девушка, то нужно быть очень осторожным и не снимать клейма, так как это отталкивает влюбленных.

"Третий Константинопольский собор 680 года н. э. в шестьдесят пятом каноне установил следующее запрещение: "Костры, разжигаемые некоторыми людьми в новолуние перед их

лавками и домами, над которыми они также глупо прыгают, по определенному древнему обычаю, мы повелеваем отныне прекратить. Итак, кто будет делать что-либо подобное; если он клирик, пусть будет низложен; если мирянин, пусть будет отлучен от церкви. Ибо в Четвертой книге Царств написано: "И построил Манассия жертвенник всему воинству небесному в двух дворах дома Господня, и заставил детей своих проходить через огонь и т. д.". Принн замечает по этому поводу: "Костры, таким образом, произошли от этого идолопоклоннического храма, как определил этот Генеральный совет; поэтому все христиане должны избегать их". А Синод Франциска при папе Захарии, 742 г. н.э., запрещает "те святотатственные костры, которые они называют *Недфри* (или Костяные костры), и все другие наблюдения язычников, какие только есть".

ГЛАВА VII.

Потерянный рай и Молох - Бог аммонитов - убийство детей огнем, упоминания в Писании - Церемонии огня и Молох - Священные костры финикийцев - Карфагеняне - Обычаи озигов - Обычаи сардинцев и Молох - Кутиты - Персидский культ огня - Домашние костры Греции и Рима - Священные книги Востока - Законы Ману - Риг Веда и гимны Агни, богу огня - Веста, поклонение - Маги - Зороастр.

В "Потерянном рае" Мильтона мы читаем: - "Сначала Молох, ужасный бог.

"Сначала Молох, ужасный царь, запятнанный кровью
человеческих жертв и слез родителей;
Хотя под шум барабанов и бубнов,
И крики их детей, прошедших сквозь огонь, не слышны,
К своему мрачному идолу. Ему аммонитяне
Поклонялись в Раббе и на ее водной равнине,
В Аргобе и в Басане, до потока
Арнона: не довольствуясь таким
дерзким соседством, мудрейшее сердце
Соломона он обманом заставил построить
Свой храм прямо против храма Божьего,
на том отвратительном холме, и сделал свою рощу
Приятную долину Хинном, Тофет оттуда.
И черную Геенну назвал, прообраз ада".

"Молох был богом аммонитян. При поклонении и жертвоприношениях в его честь они сжигали своих сыновей и дочерей, соблюдая привычные формы и церемонии". В книге Левит xvi. 21 мы находим запрет на прохождение детей через огонь, а в главе xx. наказание в виде смерти через побивание камнями назначается каждому, кто отдал свое семя Молоху.

"Однако, - говорит Селден, - многие евреи пишут, что детей не сжигали и не убивали, но что жрецы Молоха соорудили два погребальных костра и что они проводили детей только между

кострами, как бы очищая их таким образом". Моисей Бен Маймон говорит, что в те времена служители огня заставляли людей верить, что их сыновья и дочери умрут, если их не поведут таким образом, и из-за этого и любви к своим детям они поспешили сделать то, что было так легко, и не было другого способа спасти детей от огня. Есть и те, кто утверждает, что отец в надлежащем виде передал ребенка священникам, чтобы те отдали его, и что он вел его, неся на своих плечах. Тем не менее верно, что детей не только вели между кострами, но и сжигали при жертвоприношениях идолам. См. Псалом cvi. 37 и 38 и читаем: "Да, они приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву дьяволам и проливали кровь невинную, даже кровь сыновей своих и дочерей своих, которых они приносили в жертву идолам Ханаанским, и земля была осквернена кровью их".

Филастрий говорит, "что они поставили жертвенник в долине сынов Хиннома, названной так по имени некоего Тофета, и в этом месте евреи приносили своих сыновей и дочерей в жертву демонам". Есть и другие места, которые достаточно убедительно свидетельствуют о сожжении детей в тех регионах Сирии, где поклонялись Молоху. Так, см. Премудрость Соломона, xii. 5: "И еще те безжалостные убийства детей и пожиратели плоти человеческой, праздники крови"; и xiv. 23: "Ибо они убивали детей своих в жертвах"; и Иеремия vii. 31: "И построили они высокие места Тофета, что в долине сына Хиннома, чтобы сжигать сыновей своих и дочерей своих в огне". См. также девятнадцатую главу, стих 5; Иезекииль xvi. 20, 21 и xxiii. 37 и 39. Из этого случая, возможно, возникло заблуждение греков и евреев, что по другому древнему обряду клянущиеся проходили через огонь, как будто, избежав вреда, их слова будут доказаны. Ученый Павел Фагий, рассказывая о нем, говорит: "Статуя Молоха была такова, что имела семь полых камер. Одна была открыта для приношения еды, другая - для голубей, третья - для овец, четвертая - для барана, пятая - для тельца, шестая - для быка, а седьмая была открыта для того, кто хотел принести в жертву своего ребенка". Лицо идола было таким же, как и у тельца, а руки, очевидно, были удобно расположены, чтобы принимать от прохожих все, что им предлагалось. Пока ребенок горел в пылающем костре, вокруг него танцевали и били в барабаны, заглушая ужасные крики и причитания. Возникает вопрос, не почерпнул ли автор этих семи полых камер из священных обрядов персидского Митры, ведь у него тоже было семь священных дверей, которые обозначали число планет, и ему также приносили в жертву мужчин, женщин и детей.

Посвящаемые в этого бога должны были пройти через восемьдесят видов страданий, то есть через огонь и холод и самые серьезные опасности всех видов, прежде чем они могли быть приняты как эпопты, или регулярно посвященные. Уместно добавить, что нигде, кроме как в Молохе, не найти Адраммелеха и Анаммелеха, богов Сефарваима. См. II. Царств xviii. 31: "И сожгли детей своих в огне Адраммелеху и Анаммелеху, богам Сифарваимским". Его жрецы, которые также часто были жрецами других богов, назывались Цемерин. Это слово в халдейском диалекте Comeraja везде в Таргуме заменяет жрецов идолопоклонства. Во II. Царств xxiii. 10 говорится: "И осквернил он (Иосия) Тофет, что в долине сынов Хиннома, чтобы никто не заставлял сына своего и дочери своей проходить через огонь к Молоху". Долина сынов Хиннома, которая на иврите называется Ги-бер-Хинном, была полем недалеко от города и названа так из-за стонов или причитаний детей, когда их сжигали. Хинном происходит от еврейского слова *nahmen* и означает, что он стонет или скрежещет зубами от сильной боли. Это место орошается потоками Силоз, и во времена святого Иеронима оно было прекрасным, украшенным тенистыми рощами и восхитительными садами. И там же он замечает, "что у других народов был обычай выбирать верховья ручьев и рощи для священных обрядов". Но слово Тофет происходит от еврейского *Toph*, то есть "они просят барабан", в который били и громко шумели поблизости, чтобы родители не слышали горестных причитаний и стенаний своих детей во время совершения священных обрядов.

Молох также называется Ваалом. См. Иеремия хix. 5: "Они воздвигли и высоту Ваала, чтобы сжигать сыновей своих огнем". Его также называют Милькольмом в Царств xi. 5: "Ибо Соломон пошел за Ашторет, богиней Сидонян, и за Милкольмом, мерзостью Аммонитян". А Лука в Деяниях viii. 43, говорит: "Да, вы взяли скинию Молеха". Сирийцы и арабийцы называют его Мелком. В многих восточных языках Мелех означает царя, Милком - их царя, а Малчем - нашего царя, и оба слова в Священном Писании обозначают Молоха. На него ссылается Зефания i. 5: "И те, которые поклоняются и клянутся Господом, и те, которые клянутся Мелхамом", потому что Молоху особенно поклонялись под именем царя. Так как Ваал означает Господь, а Мелех, Молах или Молох - царь, они обозначают этого бога аммонитян; и, возможно, это он сам, который в древнейшей теологии финикийцев часто назывался единственным титулом "царь богов". Его также называли Адодусом, и сирийцы поклонялись ему не только как Ададу-Хададу и Бенхададу (что легко переходило в Адодуса), но и само имя Адад непрерывно передавалось в их царских семьях на протяжении десяти поколений. Эти имена, а также Бедад, Хедар Месахаб и Ахав встречаются в Бытие xxxvi. и I Царств хх. Макробий, говоря о сирийцах и этом боге Адоде и царе богов, говорит: "Они дали богу, которого почитали как высшего и величайшего, имя Адад, что означает необычный или единый. Хада или Чада - бог женского пола, созвучный с Адардагой или Атергатисом, и под этим именем ему поклонялись в окрестностях Сирии. Гесихий говорит, что Хада была богиней Юноной, а Адад - богом и солнцем. Но Хадад очень хорошо обозначает шум или громкие звуки людей, которые увещевают; это также совершенно не похоже на причитания детей во время жертвоприношений Молоху. И древние писатели говорят, что чучела Адада и Молоха были одним и тем же и служили для выражения солнца.

Феофилакт говорит, что "ярко сияющий камень в образе Фосфора он понимает как солнце". Все это очень подходит для солнца, царя богов или звезд, и так же думал тот, кто впервые упомянул о семи полых камерах в статуе Молоха. В том же числе приписывается и Митре, который по единодушному согласию древности, и особенно древних надписей, считается тем же, что и солнце, сияет многими цветами. Но Митри, Митир или Метер на персидском языке означает династию или владыку, и это также один из титулов Молоха.

Сатурн у латинян и Хронос у греков часто считаются Мохом. Младенцы или дети были жертвами, общими для обоих, и этот гнусный священный обряд, по-видимому, перекочевал из Сирии в Европу и Африку. Песценний Фест говорит, что "карфагеняне привыкли приносить человеческие жертвы Сатурну, и когда они были побеждены в битве Агатоклом, царем сикулов, он (царь) верил, что его бог разгневан на него, и поэтому, чтобы усердно совершить необходимое искупление, он сожгли для этого бога двести детей из знати. Те, у кого не было детей, были вынуждены покупать их у бедняков".

Тертуллиан пишет: "Этот нечестивый обычай продолжался в Африке до времен Тиберия". Эти священные обряды финикийцев происходили от обрядов сирийцев, о чем свидетельствует торжественное использование у них фиф и барабанов. Ибо причитания детей или родителей среди тех, кого собирались принести в жертву, считались искуплением. Почти наверняка под именем Молоха этому богу поклонялись и карфагеняне.

Карфагеняне поклонялись Амилеару, и это имя происходит из того же источника, что и Молах. Оба слова - чисто древнееврейские или пунические, если рассматривать их этимологию, и означают они царя, или, возможно, Амилиар может быть царицей, то есть может означать Василию, царицу атлантов, и что может относиться к Селестии, царице карфагенян. Ибо как у них Бел или Уран - бог, а Селестия - богиня, так и Уран и Базилия могут быть богом и богиней у них. Из того же источника мы должны искать имя Милика, тестя Ганнибала, и его дочери Имилцис, то есть царицы, и Имилко, карфагенского полководца.

Мелех означает царь, а Малха - царица, и они произносят Моликус и Имилцис. Страбон говорит, что "Геракл, которому поклонялись тирийцы, назывался Мелькартос или Мелькартос. Но он был сыном Иова Демарунса, и он тот же самый, что и финикийский и карфагенский Геракл, которого умиротворяли человеческими жертвами, как и Молоха. Первая часть его имени, очевидно, происходит от древнееврейского Мелеха, так как почти тем же словом Геракл называли аматусяне. Аматус был городом в Финикии, а остров Финикийского моря примыкает к Кипру, и на нем тоже есть город, называемый Аматус. У последнего были общие с первым священные обряды. Что означают слова Artos или Arthos в названии, неясно. Следы этого, однако, видны в пунических именах Бомилькар и Гамилькар. В Беотии, сохранившей многие названия, которые Кадм принес с собой из Финикии, есть река и город Халиартус, названные в честь строителя и первооткрывателя. В Сколе также есть изображение Мегаларта, пользующееся большим уважением. Некоторые считают, что это изображение мегалартской Цереры, и выводят его от греческого слова artos, что означает хлеб, поскольку она была богиней кукурузы".

"Но кем бы ни был этот бог, его финикийское происхождение очевидно, ведь Кадм, Исмен и Фивы - все это финикийские имена, и, возможно, древнееврейское слово Aritz в artes перешло в Melicartes, которое некоторые читают как Melicatus. Aritz означает очень сильный, и, таким образом, Melicaritz означает сильного короля или тирана, и это слово могло легко перейти в Melicartos. Отсюда, возможно, в персидском языке Artaioi - герои или те, кто в былые времена особенно прославился, и слово с этой идеей присутствует в именах Artoherxis и Artabasis. Поэтому в персидском языке Артас означал великий или прославленный, а Артана - царство, а Геродот говорит, что Артоксерксис означает великого воина.

"Между древними персами и сирийцами в обычаях и языках было много общего. Европейские писатели время от времени причисляют персов к нашим сирийцам, а Вавилон называют персидским городом".

"Что касается ужасного жертвоприношения, убийства детей, то его происхождение не скрыто, если есть хоть какая-то правда в энийских летописях. Существует предание, что Сатурн, один из древнейших царей Финикии, которого они называли Израилем, чтобы избавить свое царство от величайшей опасности надвигающейся войны, чтобы сделать богов благосклонными, умертвил единоутробного сына своего и жены Анобреты. Его сначала украсили королевскими филями, а затем привели к алтарю, построенному для этой цели, и нечестивое потомство, не понимая ни дела, ни обстоятельств, продолжало следовать его примеру"[27].

Среди множества обычаев, заимствованных сардами от своих финикийских предков, один необычного характера до сих пор практикуется в Озизе, о котором отец Брешиани рассказывает следующее: "В конце марта или в начале апреля у молодых мужчин и женщин есть обычай договариваться вместе о том, чтобы стать крестными отцами и крестными матерями святого Иоанна, *сравни е сомаре* - *такова* фраза - на следующий год. В конце мая предполагаемый *комар*, раздобыв кусок коры пробкового дерева, придает ему форму вазы, наполняет ее богатой светлой плесенью, в которую сажает несколько зерен ячменя или пшеницы. Вазу ставят на солнечный свет, хорошо поливают и тщательно ухаживают за ней, семена вскоре прорастают, лопасти появляются, и, быстро разрастаясь, в течение двадцати одного дня - то есть до кануна дня Святого Иоанна - ваза заполняется раскидистым и энергичным растением молодой кукурузы. Тогда она получает имя Гермеса, или, чаще, *Су Неннере*, от сардского слова, которое, возможно, имеет то же значение, что и финикийское название сада; подобные вазы в древности назывались садами Адониса".

Форестер в своих "Путешествиях по Корсике и Сардинии", цитируя вышесказанное и комментируя его, говорит: "Накануне дня святого Иоанна ваза с зерном, украшенная лентами, выставляется на балкон, украшенный гирляндами и флагами. Раньше среди зерен помещали также маленькое изображение в женском наряде или вылепленные из глины *фаллические* эмблемы, подобные тем, что выставлялись на праздниках Гермеса; но эти представления были так сурово осуждены церковью, что ими перестали пользоваться. Молодые люди стекаются толпами, чтобы посмотреть на это зрелище, и сопровождают девиц, которые выходят, чтобы украсить праздник. На пьядце зажигают большой костер, вокруг которого они прыгают и резвятся, а пара, согласившаяся стать *сопоставителями* святого Иоанна, завершает церемонию следующим образом: мужчина располагается по одну сторону костра, женщина - по другую, каждый держит противоположные концы палки, протянутой над горящими углями, которые они быстро передают назад и вперед. Это повторяется три раза, так что рука каждого участника трижды проходит через пламя. Скрепив таким образом союз, *компаратико* или духовный союз считается совершенным. После этого звучит музыка, и праздник завершается танцами, которые продолжаются до глубокой ночи".

"Отец Брешиани, Ла Мармора и другие авторы справедливо считают Неннере одним из многочисленных реликтов финикийской колонизации Сардинии. Всем известно, что солнце и луна, под различными именами, такими как Исида и Осирис, Адонис и Астарта, были главными объектами поклонения на востоке с древнейших времен; солнце рассматривалось как оживляющая сила универсальной природы, луна представлялась как женщина, получающая свой свет от солнца, как пассивный принцип производства. Заумные доктрины о происхождении вещей, начертанные древними провидцами, породили самые грубые идеи, выраженные в *фаллических* эмблемах, разврате и непристойностях, смешавшихся в народном поклонении обожествленным принципам всего сущего. В том, что египетско-финикийская мифология была распространена на Сардинии в самые отдаленные времена, не сомневается ни один человек, изучивший большую коллекцию реликвий в Королевском музее Кальяри или ознакомившийся с табличками, приложенными к работе Ла Марморе. Но удивительно обнаружить среди обычаев сардов в наши дни очень точное отображение обрядов примитивной религии, привнесенной на остров почти тридцать пять лет назад, хотя сейчас она носит скорее характер народного праздника, чем религиозной церемонии.

"Один из главных инцидентов в *Сарде Неннере* заключается в освящении духовной связи между *сравниваемым* и *комаром*, когда они трижды скрещивают руки над огнем во время церемоний Дня Святого Иоанна. Еще более необычный пережиток идолопоклоннического обряда прохождения через огонь, как говорят, все еще сохраняется в обычаях жителей Логудоро, в окрестностях Озиери и в других частях Сардинии.

"Поклонение *Молоху* - сирийскому и финикийскому богу огня - в древних Сардах имеет неоспоримые доказательства. Среди огромного количества таких реликвий, собранных со всех частей острова, в Королевском музее Кальяри мы находим статуэтку этого идола, который, как предполагается, был домашним богом. Ее черты ужасают: огромные выпученные глаза свирепо смотрят из своих впалых глазниц; широкие ноздри, кажется, готовы вдыхать дым ужасного жертвоприношения; широко раскрытый рот с бешеной яростью скалится на предполагаемую жертву; темные плюмажи выходят из лба, как рога, а расширенные крылья - из каждого плеча и колена. В левой руке изображение размахивает мечом, а в правой держит небольшую решетку, сложенную из металлических прутьев. По-видимому, на нее клали несчастную жертву, которая, раскалившись так, что в ноздрях бешеного идола запахло отвратительными благовониями, падала на мангал с горящими

углями, где и была сожжена. В этой коллекции есть еще один идол с такими же гневными чертами лица, но рогатый, в правой руке он держит связку змей, в левой - трезубец, вокруг ног обвиты змеи. У этого изображения большое отверстие в животе, и пламя выходит между ребрами, так что, по-видимому, когда медное изображение идола основательно нагревалось, несчастных детей, предназначенных в жертву, засовывали в рот в области пупка и жарили там аппетитные куски, над которыми идол, судя по его чертам, неистово злорадствовал, а жрецы, как нам говорят, пытались заглушить вопли страдальцев криками и шумом барабанов и бубенцов - "... ужасный царь".

"...ужасный король, измазанный кровью
человеческих жертв и слез родителей";
Хотя под шум барабанов и бубнов,
Не слышны крики детей, что прошли сквозь огонь
К своему мрачному идолу.'-Par. Lost, i. 392.

"Это жестокое жертвоприношение ребенка, вероятно, означало отдачу его семени Молоху, за что любой израильтянин или чужеземец, проживавший в Израиле, виновный в этом преступлении, должен был, согласно Моисееву закону, быть побит камнями до смерти. Священные записи сообщают нам, что никакие подобные обличения идолопоклонства окружающих народов, никакие откровения об атрибутах или учениях чистого поклонения Иегове не удерживали израильтян от практики грязных и жестоких обрядов их языческих соседей; И мы находим в последние дни еврейского содружества пророка Иеремию, предсказывающего опустошение народа за этот грех среди прочих, что они отстранились от поклонения Иегове, и жгли фимиам чужим богам, и наполнили святое место кровью невинных, и сожгли своих сыновей и своих дочерей в огне для всесожжения Ваалу.

"Древние идолопоклонники посвящали своих детей Молоху двумя способами. В одном случае они приносились в жертву и уничтожались уже описанным способом, как всесожжение идолу для искупления грехов их родителей или народа. В другом случае их только пропускали через огонь в честь божества, как своего рода посвящение в его тайны и посвящение в служение ему.

"Так, Ахаз, царь Иудеи, как говорят, заставил своего сына пройти через огонь, согласно мерзостям язычников. А в каталоге грехов Иуды, навлекших на них месть Божью, значится, что они "построили горницы Ваалу, чтобы сыновья их и дочери их проходили через огонь к Молоху"[28].

"В случае с младенцами предполагается, что это посвящение, это "крещение огнем" осуществлялось либо путем помещения их на своего рода решетку, подвешенную на цепях к своду храма, и быстрого прохождения над священным огнем, либо путем того, что жрецы брали младенцев на руки и раскачивали их взад и вперед над или поперек огня, распевая при этом определенные молитвы или заклинания. Что касается детей более старшего возраста, то их заставляли голыми прыгать через огонь перед идолем, чтобы все их тело было охвачено священным пламенем и очищено, как бы соприкасаясь с божеством.

"Сарды, как сообщает нам отец Брешиани, до сих пор сохраняют обычай, представляющий это посвящение огнем, но, как и в других финикийских обрядах и практиках, без малейшего представления об их профаническом происхождении. В первые дни весны, с одного конца острова до другого, жители собираются и зажигают большие костры на площадях и у перекрестков дорог. Когда пламя начинает подниматься, дети прыгают через него с такой быстротой и ловкостью, что при самом сильном пламени редко когда обгорают их одежда или волосы на голове. Они продолжают это занятие до тех пор, пока топливо не превратится

в угли, а музыканты тем временем играют на *лионед*е мелодии, подходящие для фирического танца. Это, по словам ученого отца, является представлением посвящения через огонь в тайны Молоха"[29].

"Нергал" - древнееврейское слово, возможно, был вечным огнем, который религиозно хранился в их сефте, или священных местах. Кутиты были названы так от Кута, который был одновременно названием реки и области в Персии, и откуда они в большом количестве попали в Самарию. Страбон подтверждает существование священного огня в Персии в пятнадцатой книге. Он говорит, что "в храмах поклонявшихся Анаитису и Оману, или Аманусу, персидским богам среди каппадокийцев, забота о вечном огне была возложена на волхвов, которых называли пиретри, или огнепоклонниками". Далее он говорит: "В той стране их великое множество, а также много храмов персидских богов; что они закалывали жертвы не ножом, а неким подобием дубины, как бы колотя их до смерти пестиком; что были также определенные часовни, в которых хранились эти костры, достойные памяти; Что в центре часовни находился алтарь, на котором было много золы, и там священники наблюдали за неугасимым огнем; что они входили туда ежедневно и пели или читали песнопения в течение почти часа, одновременно держа перед огнем связку прутьев; что они были покрыты шерстяной тиарой, которая, хорошо прилегая со всех сторон, закрывала их губы и челюсти. Эти костры, которые возводились в их святилищах и назывались Пиратея, были вечными кострами волхвов. То, что они воспевали, было теогонией, или первобытной историей богов".

"Персы считали, что не все песни одинаково эффективны в священных обрядах. Жезлы, по-видимому, были из тамариска, и без магуса не совершались никакие жертвоприношения. В других священных обрядах у волхвов был ежегодный обычай держать в руках тамариск, когда они воспевали теогонию, как у древних поэтов было принято во время пения держать в руках лавр. По этой причине некоторые считают, что их называли рапсодами, от греческого слова *rhabdos*, что означает жезл. Во время песнопений они жезлами разжигали костры и усиливали пламя. То, что древние пишут об установлениях персов, верно: любой, кто собирался стать царем, должен был пройти посвящение в магические обряды, и Нинус по этому обычаю не мог быть больше царем, чем магом. Персы получили эти священные обряды от древнейших халдеев, и последние называли их Нергал, от двух еврейских слов, *nir* и *gal*, которые могут означать либо фонтан огня или света, либо огонь или разносторонний свет, и особенно тот неугасимый огонь, который они наблюдали в своих священных местах как символ солнца. И хотя в Персии было много богов, все же огонь почитался ими раньше и выше всех других богов, и в каждом жертвоприношении они особенно призывали его, как римляне призывали Януса. И поэтому, связанные религией, они не смели загрязнять огонь, предназначенный для ежедневного использования, какой-либо нечистотой. Пиратеи, или костры, другие называли пиреями. Суидас говорит, что Ираклий разрушил персидские города и уничтожил их пиреи. Но Евреи считают поклонение огню у Халдеев настолько древним, что Ур Халдейский, упомянутый в Бытие XI, они приняли за своего бога огня. Не доказывают древние писания, цитируемые Маймонидом, ничего иного, кроме того, что огонь был в таком почете, потому что он был символом солнца. Об этом древнейшем поклонении в Халдее он рассуждает в "Море Небохим", книга третья, глава тридцатая: "Известно, что Авраам родился среди народа, который служил огню и который в своем легкомыслии верил, что нет другого бога, кроме звезд, и в этой главе я познакомлю вас с их книгами, которых нет у нас в переводе на арабский язык. В их повествованиях и древних спорах вы узнаете их причины и мнения. Их легкое верие доказывается их поклонением звездам, которые они считали богами, и что солнце - величайший из богов. И они говорили, что другие планеты - боги, но солнце и луна - величайшие из их богов. Вы узнаете, что они, несомненно, говорят,

что солнце управляет верхним и нижним миром. Все это вы найдете в их книгах; и они говорят о состоянии Авраама, и заявляют далее, что Авраам родился и получил образование в стране огнепоклонников. Там он противоречил их мнению, говоря, что кроме солнца есть еще один оператор. И они приводили свои доводы, противоположные его, и среди них называли действия солнца, которые проявляются и видны во всей вселенной". Но Авраама бросили в цепи за то, что он отказался поклоняться их солнцу, после чего он был лишен своего имущества и изгнан царем в Ханаан. Они верили, что солнце правит миром, что нет бога выше его, и обожали огонь. Поэтому огонь был не чем иным, как знаком или символом солнца и очень созвучен его природе? И здесь, я думаю, можно увидеть бога Нахора, сына Тераха, о котором говорится в Бытие XXXI, 53: "Бог Авраама, Бог Нахора, Бог отца их, судите между нами". Здесь также присутствуют иноземные боги, которым древние служили во времена Авраама, как свидетельствует Священное Писание в книге Иисуса Навина XXIV, 2: "И сказал Иисус Навин всему народу: так говорит Господь Бог Израилев: отцы ваши жили по ту сторону потопа в прежние времена, даже Терах, отец Авраама и отец Нахора; и они служили другим богам". Конечно, и до вавилонского плена, и в Иудейском царстве существовали эти пирафии и поклонение огню, если Иосиф Скалигер правильно предполагает Катулла, когда на священном языке или языке пророков он говорит, что пирафии называются хаманим.

"В II. Хроники, XXXIV, 4, мы находим следующее в отношении Иосии, царя: "И разрушили при нем жертвенники Ваалима, и он разбил на куски изображения, которые были священны для него". Изображения здесь на иврите называются шаманим, и раввины понимают их как чучела солнца. Так как солнце и тепло назывались Chamha, то Chamanim использовалось для изображений, часовен или пиратов, посвященных солнцу. В книге Левит XXVI, 30 есть следующие слова: "Я разрушу ваши горницы и срублю Шаманим, то есть ваши изображения" и т. д. Евреи понимают, что их идолы были посвящены солнцу. В этом месте Левит и другие книги порицают шаманим и другие священные обряды, заимствованные у персов, и среди них "высокие места", называемые на иврите бамотом. У персов был обычай совершать свои священные обряды на самых высоких и возвышенных местах, и таким образом они приносили жертвы небу или Иову. Геродот в книге "Клио" говорит, что "у них был обычай подниматься на самые высокие вершины гор и там приносить жертвы Джову, называя именем Джова каждый круг небес". Но и у европейцев, и у азиатов было принято подниматься на вершины гор, чтобы поклоняться Юве. Поэтому его называли Эпакриос, или Возвышенный.

"Этот Юпитер, по Геродоту, - Белус и Ассирий, ибо этим именем он назывался Юве в древнейшей теологии персов, как пишут Берос, Афинокл и Симах. Это вопрос для знатоков, можно ли в боге Оманусе или Аманусе, которого упоминает Страбон, ссылаться на Шаманим или Хаманим. Скалигер считает, что утвердительно, и отсюда он выводит имена Achæmenis и Achæmeniss, которые обозначают персидское происхождение. Аманус действительно был солнцем, как Анаитис - луной, и их называли Дианой и Венерой. Никто, однако, не знает, что персы поклонялись огню как символу солнца, и именно по этой причине Датис, капитан корабля под командованием Ксеркса, оставил невредимым остров Делос, поскольку он был священным для солнца, или Аполлона. Что касается другого вида шаманим, или чучела, превращенного в порошок царем Иосией, то в II. Царств, XXIII, 11: "И с течением времени снял он коней, которых царь Иудейский отдал солнцу, у входа в храм Господень, близ скинии Нафана-Мелеха евнуха, который был князем в предместьях, и сжег колесницы солнца в огне". Возможно, их также следует называть шаманим, поскольку Цимхи, Соломон Иархи и Левий Бен Гершон объясняют это место о конях и колесницах тем, что, поклоняясь восходящему солнцу, они вели их с торжественной пышностью от входа в храм до скинии Натан-Мелеха.

Скорее всего, здесь имеются в виду расплавленные изображения коней и колесниц, посвященные солнцу, так как у персов конь был священен для солнца, и ему приносили жертвы. Этот же обычай был перенесен и на греков. В древние времена колесницы также посвящались ему, как самому быстрому из быстрых богов. Но их место было у дверей Истинного Бога. Евреи поклонялись солнцу на востоке в притворе двери. Так в книге Иезекииля VIII, 14: "И вот, около храма Господня, между притвором и жертвенником, стояло как бы двадцать пять человек, спины которых были к храму Господню, а лица их к востоку, и они поклонялись солнцу на востоке"[30].

Из большинства классических авторов, таких как Гомер, Тибулл, Гораций, Овидий, Еврипид, Аристофан, Вергилий и т. д., мы узнаем, что в каждом греческом и римском доме был свой алтарь, на котором постоянно горел огонь. На ночь его засыпали пеплом, чтобы сохранить часть дров на утро и поддерживать их мягкое и медленное тление. День за днем, первым делом утром, хозяин дома занимался тем, что разжигал огонь, чтобы тот был готов к предстоящим церемониям и поклонениям; в его отсутствие дома эта обязанность переходила к его жене как ближайшей родственнице. Писатели рассказывают, что огонь не переставал гореть до тех пор, пока семья не исчезала полностью, а погасший очаг в ранние времена означал то же самое, что и исчезнувшая семья.

Поддержание огня не было простым делом, не имеющим смысла, обычаем, которому не придавали особого значения; оно было связано с самыми древними и заветными религиозными верованиями людей. Это было настолько серьезным делом, что даже конкретная порода дерева была оговорена. Вергилий и Плутарх однозначно утверждают, что только определенные деревья должны использоваться для этих целей, и они были священны и запрещены для других целей. Огонь, по словам Еврипида и Овидия, должен быть чистым - в него нельзя бросать загрязненные предметы, в его присутствии нельзя совершать оскорбительные действия.

Как мы уже отмечали в другом месте, был один день в году (1 марта в Риме), когда все костры и огни гасили, но тут же возобновляли с соблюдением многих обрядов. В этих случаях необходимо было соблюдать строжайшие правила: запрещалось возобновлять огонь из любой оставшейся искры старого - более того, необходимо было тщательно погасить каждую искру предыдущего пламени; нельзя было также высекать искру из кремня и стали; только солнечные лучи или трение двух кусков дерева могли зажечь новый огонь, поскольку огонь считался представителем солнца - величайшего из огней и пламени, и как таковой он был предметом поклонения. Не было ничего удивительного в том, что люди, за неимением лучшего знания, воздавали божественные почести тому, от чего получали такие блага; они видели, как свет и тепло солнца льются на землю и вместе с дождем и росой размягчают ее корку, разбухают и плодоносят ее семена и приносят из нее пищу и пропитание для людей и зверей. И поэтому они молились, как мы читаем в орфических гимнах: "Дай нам всегда процветать, всегда быть счастливыми, о огонь: ты, вечный, прекрасный, вечно молодой; ты, питающий, ты, богатый, прими благосклонно эти наши приношения, и в ответ дай нам счастье и сладкое здоровье".

Похоже, что к огню постоянно обращались; едва ли был поставлен памятник, едва ли выполнялся домашний или деловой долг или заключалось соглашение без молитвы к нему; если человек ненадолго покидал свой дом, он поклонялся огню; когда он возвращался, перед тем как приветствовать своих ближайших родственников, выполнялась та же обязанность. Эсхил рассказывает о том, как Агамемнон вернулся из Трои и вместо того,

чтобы пойти в храм и вознести благодарность Юпитеру, вознес благодарение перед огнем в собственном доме. Еврипид также представляет умирающую Алкестиду, обращающуюся к огню: "Госпожа, я спускаюсь под землю, в последний раз падаю перед тобой и обращаюсь к тебе. Защити моих младенцев; дай моему мальчику нежную жену, а моей дочери - благородного мужа. Пусть они не умрут, как их мать, раньше времени, но пусть проживут долгую и счастливую жизнь в своем отечестве".

Де Куланж говорит, что "священный огонь был своего рода провидением в семье. Ему приносились жертвы, и не только дрова, но и на алтарь возливались вино, масло, ладан и жир жертв. Бог милостиво принимал эти приношения и пожирал их. Сияя от удовлетворения, он поднялся над алтарем и осветил своим сиянием всех поклоняющихся. Тогда наступал момент, когда проситель смиренно обращался к нему и искренне произносил свою молитву".

С современной "благодатью", произносимой до и после еды, соотносится молитва и хвала, которую древний произносил перед огнем, когда собирался принять пищу и когда утолял голод. Он шел еще дальше, чем современный человек: перед тем как съесть хоть частицу пищи, на алтарь выливали должное количество мяса и питья и подносили богу. И когда поднималось пламя, они считали, что это божество восстает перед ними и поглощает преподнесенное.

Если мы обратимся к Священным книгам Востока, то увидим, как прочно закрепилось это поклонение огню в сознании индусов, и какое значение придается соблюдению всех связанных с ним ритуальных моментов. В "Законах Ману" мы находим указания для его руководства, распространяющиеся на самые обычные бытовые нужды, некоторые из которых мы не можем повторить на этих страницах. Некоторые из личных нужд не должны удовлетворяться в присутствии огня, он должен удалиться либо в темноту, либо за пределы видимости. "Пусть не раздувает огонь ртом своим - пусть не бросает в огонь никаких нечистых веществ, пусть не греет у него ноги - пусть не кладет огонь под кровать и т. п; пусть не переступает через него и не кладет его, когда спит, в изножье своей кровати - пусть держит правую руку непокрытой в месте, где хранится священный огонь - нечистый брахман не должен прикасаться рукой к корове, брахману или огню; и, будучи в добром здравии, пусть не смотрит на небесные светила, пока он нечист." И еще: "Брахман должен предлагать приготовленную пищу, предназначенную для вайсвадевы, в священном домашнем огне следующим божествам: Сначала Агни, затем Сома, затем обоим этим богам вместе, далее всем богам, затем Дханваутари, далее Куху (богине дня новолуния), Анумати (богине дня полнолуния), Прагапати (владыке существ), небу и земле вместе, и, наконец, Агни Свиштакриту (огню, который хорошо совершает жертвоприношение)". И так далее во многих других местах, в одном из которых царь должен вести себя как огонь. "Пусть царь подражает энергичным действиям Индры, солнца, ветра, Ямы, Варуны, луны, огня и земли. Если он пылает гневом против преступников, наделен блестящей энергией и уничтожает нечестивых вассалов, то его характер, как говорят, напоминает огонь".

Обратившись к Риг-Веде, мы находим "Гимны Агни (богу огня) и Марутам (богам бури)".

"1. Ты призван на это справедливое жертвоприношение ради глотка молока; вместе с Марутами приди сюда, о Агни!"

"2. Ни один бог, ни один смертный не в силах превзойти тебя, могучий; с Марутами приди сюда, о Агни!"

"3. Те, кто знает о великом небе, Вишну-Девы без коварства; с теми Марутами приди сюда, о Агни!"

"4. Дикие, поющие свою песню, непобедимые силой; с Марутами приди сюда, о Агни!"

"5. Те, кто блистательны, ужасны, могущественны и пожирают врагов; с Марутами приди сюда, о Агни!"

"6. Те, кто на небесах вознесен как боги, в свете небесной тверди; с Марутами приди сюда, о Агни!"

"7. Те, кто стреляет своими дротиками через море с силой; с Марутами приди сюда, о Агни!"

"9. Я возливаю тебе для раннего питья сладкий сок Сомы; с марутами приди сюда, о Агни!"

Другой говорит: "О Агни, ты - жизнь, ты - покровитель человека. В ответ на наши молитвы даруй славу и богатство отцу семейства, который сейчас обращается к тебе. Агни, ты мудрый защитник и отец; тебе мы обязаны жизнью, мы из твоего рода".

Де Куланж говорит: "Таким образом, бог очага был, как и в Греции, божеством-покровителем. Люди просили его об изобилии и о том, чтобы земля была плодородной. Ему молились о здоровье, о том, чтобы человек долго наслаждался светом и приходил к старости, как солнце к закату. Просили даже мудрости и прощения за грехи. Ведь как в Греции бог огня был по сути своей чист, так и брамину запрещалось не только бросать в огонь что-либо грязное, но и даже греть у него ноги. Виновный также, как и в Греции, не мог приблизиться к собственному очагу, пока не очистится от пятна, которое на нем появилось".

Конечно, греки не заимствовали эту религию у индусов, а индусы - у греков; но греки, итальянцы и индусы принадлежали к одной и той же расе, и их предки в очень ранний период жили вместе в Центральной Азии. Там они усвоили это вероучение и установили свои обряды. Когда племена постепенно отдалились друг от друга, они перенесли эту религию с собой: одни - на берега Ганга, другие - в Средиземноморье. Впоследствии одни научились поклоняться Брахме, другие - Зевсу, третьи - Янусу; но все они сохранили в наследство прежнюю религию, которую исповедовали у общей колыбели рода.

Примечательно, что во всех жертвоприношениях, даже в тех, что приносились Зевсу или Афине, первое обращение всегда было к огню. В Олимпии собранная Греция приносила свою первую жертву огню очага, а вторую - Зевсу. Точно так же в Риме первой всегда поклонялись Весте, которая была ничем иным, как огнем. И так мы читаем в гимнах Вед: "Перед всеми богами следует взывать к Агни. Мы будем произносить твое святое имя перед именами всех остальных бессмертных. О Агни, какого бы бога мы ни чтили своим жертвоприношением, жертва приносится тебе". Не то чтобы Юпитер и Брахма не приобрели гораздо большего значения в сознании людей, но помнили, что огонь гораздо древнее богов.

Когда население Греции и Италии научилось представлять своих богов как личностей и дало каждому из них имя и человеческий облик, старое поклонение огню претерпело такие же изменения. Священный огонь стал называться Вестой. Обычное существительное превратилось в имя собственное, и к нему постепенно добавилась легенда. Они даже дошли до того, что стали изображать огонь в статуях под женскими чертами - пол существительного определял пол божества.

Веста в мифологии была одним из главных божеств язычников. Те, кто тщательно исследовал религию пифагорейских философов, полагают, что под Вестой они подразумевали вселенную, которой они приписывали душу и которой поклонялись как единственному божеству иногда под именем *то παυ*, целое, а иногда под названием *μονος*, единство. Однако в сказочной истории под именем Весты скрываются две богини: одна - мать Сатурна и жена Келума, другая - дочь Сатурна от его жены Реи. Первая была Терра, или Земля, называемая также Кибелой, и получила свое имя Веста, по мнению некоторых, от одежды, потому что земля одета, *vestitur*, с растениями и плодами, или, согласно Овидию, от устойчивости земли, потому что *stat vi terra sua*, или она поддерживает себя. Поэтому первые жертвы во всех жертвоприношениях приносились ей, так как все, что приносится в жертву, происходит из земли; и греки как начинали, так и заканчивали свои жертвоприношения Вестой, так как считали ее матерью всех богов.

Вторая - огонь, и Веста, чья власть распространялась на алтари и дома, получила свое имя, по словам Цицерона, от огня или очага. Соответственно, поэты часто используют Весту для обозначения огня или пламени, как и Юпитера для воздуха, Цереру для кукурузы и т. д. Изображение Весты, которой приносили жертвы каждый день, ставили перед дверями домов в Риме; места, где воздвигались эти статуи, назывались *vestibula*, от *Vesta*. Эта богиня была девственницей и так ценила девственность, что когда Юпитер, ее брат, дал ей разрешение спросить, чего бы она хотела, она попросила, чтобы она всегда оставалась девственницей и имела первые жертвы во всех жертвоприношениях.

Гораций называет эту богиню *æterna Vesta*, и именно в честь нее Нума воздвиг храм в Риме и посвятил девственниц для поддержания вечного огня на ее алтарях. Говорят, что эта богиня изображалась в виде матроны, которая держала в правой руке пламя или лампу, а иногда палладиум или маленькую Победу.

Поклонение Весте и огню было принесено из Фригии в Италию Энеем и другими троянцами, которые прибегали туда. В связи с этим Вергилий замечает, что Эней, прежде чем покинуть дворец своего отца, унес огонь из священного очага. Имя Весты было синонимом халдейской и персидской Авесты, и поэтому Зороастр дал своей книге о поклонении огню название Авеста или Абеста, *то есть* хранилище огня.

Весталки были девственницами в Древнем Риме, посвятившими себя служению богине Весте, поклонение которой, как мы уже говорили, было завезено в Италию Энеем, и одной из их особых обязанностей было наблюдение за священным огнем, за разжигание которого они подвергались жестоким бичеваниям. Этот огонь, за которым они должны были следить так ревностно и тщательно, находился не на алтаре и не на очаге, а в маленьких глиняных сосудах с двумя ручками, называемых *капедункулами*. В них хранился залог империи мира. Если она гасла, это считалось очень неудачным предсказанием, и за это следовало расплачиваться с бесконечными церемониями. У римлян, как рассказывает Фест, его можно было разжечь, только потеряв подходящее для этого дерево. А у греков, как замечает Плутарх в своей жизни Нумы, его можно было разжечь, поставив в центр вогнутого сосуда, обращенного к солнцу, какое-нибудь горючее вещество. Следует отметить, что римляне были не единственным народом, который поддерживал вечный огонь Весты, подражая небесным огням; греки были одержимы тем же суеверием, особенно дельфийцы, афиняне, тенедае, аргивяне, родиане, кизикенцы, милезийцы, эфесяне и т. д.

Маги, или волхвы, - титул, который древние персы давали своим мудрецам и философам. Каково бы ни было происхождение этого слова, а мнения по этому поводу, по-видимому,

сильно расходятся, оно соотносится с σοφοι у греков; *sapientes* у латинян; друидами у галлов; гинософами у индийцев; пророками и жрецами у египтян.

Платон, Апулей, Лаэций и другие сходятся во мнении, что философия волхвов относилась главным образом к поклонению богам; они были людьми, которые должны были возносить молитвы, мольбы и жертвы, как если бы боги были услышаны только ими.

Они преподают свое учение о природе и происхождении богов, говорит Лаэций, которых они считают огнем, землей и водой; они отвергают использование картин и изображений и осуждают мнение, что боги бывают мужского и женского пола; они говорят с людьми о справедливости; Они считают нечестивым сжигать мертвые тела огнем; все они практикуют гадания и пророчества, притворяясь, что боги являются им; они запрещают использовать украшения в одежде; они одевают себя в белые одежды; они используют землю в качестве постели, травы, сыр и хлеб для еды, и тростник для своего посоха. Страбон также рассказывает, что в Каппадокии было множество волхвов, которых называли "пиретами", или огнепоклонниками, и множество храмов персидских богов, посреди которых стояли алтари со священниками, которые ежедневно обновляли священный огонь, сопровождая эту церемонию музыкой.

Главное учение волхвов заключалось в том, что существует два принципа, один из которых является причиной всех благ, а другой - причиной всех зол. Первый представлялся светом, а второй - тьмой, как их истинные символы; и из их состава, как они полагали, были созданы все вещи в мире. Доброго бога они всегда почитали перед огнем, как причиной света, и особенно перед солнцем, которое, по их мнению, было самым совершенным огнем и вызывало самый совершенный свет; по этой причине во всех их храмах постоянно горел огонь на алтарях, воздвигнутых в них для этой цели. Перед этими священными кострами они совершали все свои публичные акты посвящения, а также практиковали свои частные посвящения перед своими личными кострами в своих домах. Таковы были догматы этой секты, когда Смердис, который был ее главным лидером, узурпировав корону после смерти Камбиза, был убит семью принцами Персии; и многие из магов, которые придерживались его, разделили ту же участь. В связи с этим событием тех, кто придерживался взглядов этой секты, в насмешку называли магами, от *mige-gush*, что на языке страны в то время означало того, у кого обрезаны уши. Вся секта магов скоро бы канула в Лету, если бы через несколько лет после этого периода ее не возродил и не реформировал Зороастр. Этот знаменитый философ, которого персы называли Зердуштом или Заратуштом, начал примерно в тридцать шестом году правления Дария восстанавливать и реформировать магийскую систему религии. Он был не только прекрасно обучен всем восточным наукам, которые преобладали в его время, но и досконально разбирался в еврейской религии и во всех священных писаниях Ветхого Завета, которые тогда существовали, из чего некоторые сделали вывод, что он был коренным евреем по рождению и профессии, и что он был слугой одного из пророков, вероятно, Иезекииля или Даниила. Впервые он появился в Мидии, в городе Ксиз, впоследствии названном Адербиджаном, как говорят одни; или, по мнению других, в Экбатане, впоследствии Тавриде. Вместо того чтобы признать существование двух первых причин, как это было у магов, он ввел принцип, превосходящий их обе, - единого верховного Бога, который создал обе эти причины и из них, по своему суверенному желанию, произвел все остальное.

Зороастр воздвигал храмы огня везде, где появлялся: Ибо, притворившись, что он был вознесен на небо и там наставлен в доктринах, которые преподавал сам Бог, посреди огромного и ярчайшего пламени огня, он учил своих последователей, что огонь - это истинная шекина божественного присутствия; что солнце - это самый совершенный огонь, и

Бог имеет там трон своей славы и резиденцию своего божественного присутствия особым образом; и рядом с ним в нашем элементарном огне; и поэтому он приказал им направлять все свои поклонения Богу сначала к солнцу, которое они называли Митрой, а затем к своим священным огням; и когда они приходили к этим огням для поклонения, они всегда подходили к ним с западной стороны, чтобы, обратив лицо к ним и одновременно к восходящему солнцу, они могли направлять свои поклонения к обоим. И в такой позе они всегда совершали все акты своего поклонения. Зороастр также утверждал, что по возвращении он принес с собой немного небесного огня и положил его на алтарь первого храма огня, который он воздвиг в Ксизе, в Медии, откуда он распространился по всем остальным странам; и по этой причине их жрецы тщательно следили за ним и никогда не допускали его погасания.

Приняв на себя образ божественного пророка и реформатора религии, Зороастр удалился в пещеру, посвятив себя молитвам и размышлениям, где написал книгу под названием Зенд, в которой содержались его притворные откровения. Из Медии он удалился в Бактрию; он также отправился в Индию к брахманам и, приобретя все их знания в области математики, философии и астрономии, вернулся и передал их своим магам; таким образом, они прославились своим мастерством в этих науках, так что ученый человек и маг стали равнозначными понятиями. Вульгарные люди считали их людьми, одушевленными и вдохновленными сверхъестественными силами; поэтому те, кто претендовал на злые и дьявольские деяния, стали называться магами, а термин "маг" приобрел дурное значение. Однако эти выдающиеся знания были присущи только тем, кто занимал высокое положение, - волхвам, или жрецам, которые, как и иудеи, принадлежавшие к одному племени, присваивали свои знания своим семьям. Эти жрецы были разделены на три ордена, а именно.: низшие жрецы, совершавшие обычные религиозные обряды; начальники, управлявшие ими и руководившие священным огнем; и архимаг, или первосвященник, обладавший верховной властью над всем орденом; их церкви или храмы также были трех видов: приходские, или оратории, в которых люди совершали свои богослужения и где священный огонь хранился только в лампах; храмы огня, в которых огонь постоянно горел на священном алтаре, где высший орден волхвов руководил общественными богослужениями, а народ собирался, чтобы совершать магические заклинания, слушать толкования снов и практиковать другие суеверия; и, наконец, храм огня, в котором жил архимаг, который народ посещал в определенные времена года с особой торжественностью и в который каждый считал непереносимым долгом зайти хотя бы раз в жизни. В конце концов Зороастр донес свою религиозную систему до царского двора в Сузах и сделал Дария прозелитом, а также большинство великих людей царства.

Конец.

ФАЛЛИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Cr. 8vo, Vellum, 7/6 каждая.

Только очень ограниченное количество, напечатанное частным образом

Фаллицизм.- Описание поклонения **Лингаму-Йони** в различных частях света и в разные века, с описанием древних и современных крестов, в особенности **Crux Ansata** (или Ручного Креста) и других символов, связанных с тайнами **поклонения полу**.

Всего несколько экземпляров, которые будут продаваться комплектами по 7/6, или отдельно по 10/6.

Ophiolatrea.- Рассказ об обрядах и мистериях, связанных с происхождением, подъемом и развитием **поклонения змеям** в различных частях света, обогащенный интересными преданиями и полным описанием знаменитых змеиных курганов и храмов; все это составляет экспозицию одной из фаз **фаллического, или сексуального, культа**.

Фаллические предметы, памятники и останки; Иллюстрации возникновения и развития **фаллической идеи** (поклонения сексу) и ее воплощения в произведениях природы и искусства. *Гравированный фронтиспис.*

Cultus Arborum.- Описательный рассказ о **фаллическом поклонении дереву**, с иллюстрацией легенд, суеверных обычаев и т.д.; демонстрирующий его происхождение и развитие среди восточных и западных народов мира, с древнейших до современных времен.

Сноски:

[1] Moule's Heraldry.

[2] Maitland's Church in the Catacombs.

[3] Форлонг.

[4] Moule's Heraldry.

[5] Северный тур.

[6] Gorham, Hist. S. Neots.

[7] Rivers of Life.

[8] Ancient Faiths, vol. i.

[9] Rivers of Life.

[10] Riv. Life, Forlong.

[11] Nineveh, &c.

[12] Selden's Syrian Deities.

[13] Forlong.

[14] Rivers of Life.

[15] Leslie's Early Races of Scotland.

[16] Rivers of Life.

[17] Forlong, Riv. Life.

[18] Rivers of Life.

[19] См. Pop. Science Rev., vol. x.

[20] Hindu Pantheon.

[21] См. Asiat. Res., vol. iii.

[22] Несколько более подробное изложение этого и других мифов см. в книге преподобного У. Гилла.

[23] Chardin's Voyages, vol. ii.

[24] Thalia, 16, Rawlinson.

[25] Pennant, vol. I., p. 111.

[26] Pennant, vol. III.

[27] Selden's Syrian Deities. Перевод Хаузера.

[28] Jeremiah xxxii. 35.

[29] См. Bresciani and Forrester's Sardinia.

[30] Сирийские божества Селдена, перевод Хаузера.